

Мария
Кирова

18+

МЕНЯ ПОХИТИЛИ
в другой мир
чтобы я забеременела
от КЕНТАВРА

Мария Кирова

Меня похитили в другой мир, чтобы я забеременела от кентавра

<https://litres.ru/74192663>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный вечер с настольной игрой заканчивается невозможным: Настя и две её подруги открывают портал — и оказываются в Таврогарде, мире, где правят кентавры, а женщины из других миров считаются редкой и ценной добычей.

Королю Гормаку нужна не пленница. Ему нужна наследница, чья кровь сможет удерживать разломы между мирами. Насте нужна лишь дорога домой. Их связывает договор на три лунных цикла: право на отказ, защита короны и обещание возвращения — если одна из пришлиц родит ребёнка, способного изменить судьбу Таврогарда.

Пока одна подруга готовит побег, другая выбирает власть и безопасность при дворе, а за стенами города собираются враждебные кланы, Насте предстоит понять: что страшнее — остаться рядом с мужчиной, способным подчинить целый мир, или признать, что он уже стал частью её собственной свободы?

Содержание

Глава 1. Игровой вечер	4
Глава 2. Портал посреди комнаты	14
Глава 3. Другое небо	22
Глава 4. Таврогард	33
Глава 5. Воля короля Гормака	49
Глава 6. Первый побег	69
Глава 7. Стены без выхода	89
Глава 8. Разговор с матроной	103
Глава 9. Решение	121
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Мария Кирова

Меня похитили в другой мир, чтобы я забеременела от кентавра

Глава 1. Игровой вечер

– Ты жульничаешь.

Марина произносит это спокойно, почти лениво, но уже тянется через стол к моим карточкам. Я успеваю накрыть их ладонями.

– Убери руки.

– Покажи.

– С чего бы?

– С того, что у тебя третий ход подряд выпадает нужный ресурс.

– Это называется талант.

– Это называется краплёная колода, – говорит Кристина и доликает себе вина.

Мы сидим на полу в моей гостиной, потому что журнальный стол слишком низкий для стульев, а за кухонным столом помещаются только двое, если третья не хочет весь вечер

упираться коленями в батарею. Квартира маленькая, съёмная, с обоями цвета несвежего сливочного масла и подоконником, который зимой покрывается тонкой коркой льда. Я живу здесь второй год и всё равно каждый раз говорю «домой» без уверенности, будто квартира может услышать и возразить.

На столе разложено наше королевство: картонные поля, деревянные башни, монеты, фигурки солдат. Марина воюет за северные земли. Кристина строит торговые пути и уже дважды пыталась подкупить меня шоколадом. Я держу перевалы и делаю вид, что всё рассчитала заранее.

В действительности мне просто везёт.

– Настя, – говорит Марина.

– Нет.

– Я ещё ничего не сказала.

– Ты собиралась потребовать мои карты.

– Я собиралась предложить честный обмен.

– Два дерева за серебро?

– Одно дерево.

– Вот видишь.

Она вздыхает и откидывается на диван. У Марины короткие тёмные волосы, которые она стрижёт сама кухонными ножницами и каждый раз клянётся, что это последний эксперимент. Сегодня левая сторона чуть короче правой. Я заметила ещё у двери, но не сказала. Она всё равно поймёт завтра в лифте, где свет беспощадный и зеркало висит под

неправильным углом.

Кристина поднимает бокал.

– За честную торговлю.

– Ты украла у меня три монеты, пока я ходила за штопором, – напоминает Марина.

– Это была компенсация за моральный ущерб.

– Какой?

– Ты назвала мой союз ненадёжным.

– Он распался через два хода.

– Я была оскорблена заранее.

Я смеюсь и едва не поперхиваюсь вином. Вечер идёт хорошо. Не великолепно, не как в кино, где у каждой дружбы есть музыка и правильный свет. Просто хорошо. Марина пришла с пакетом дешёвых сыров и долго ругалась на автобус. Кристина опоздала на сорок минут, потому что заехала «на пять минут» в торговый центр. Я сожгла первую пиццу, а вторую мы съели прямо с противня, не дожидаясь, пока она остынет.

На подлокотнике дивана лежит Маринин носок. Один. Второй она почему-то не сняла.

– Тебе не холодно одной ноге? – спрашиваю я.

Она опускает взгляд.

– Я думала, это твой.

– На тебе второй.

– Тогда да. Холодно.

Кристина закрывает лицо ладонью.

– Иногда я не понимаю, почему до сих пор с вами обща-

юсь.

– Потому что никто другой не согласится играть шесть часов подряд, – говорю я.

– Три часа.

– Мы ещё даже не закончили первый век.

За окном проезжает машина. По потолку скользит жёлтая полоса света, цепляет люстру и исчезает. Двор тихий. Пятница, почти полночь, но в доме напротив ещё горят несколько окон. На пятом этаже кто-то развешивает бельё. На втором мужчина в майке смотрит телевизор, сидя слишком близко к экрану.

Я знаю чужие окна лучше, чем соседей на своей площадке.

– Твой ход, – напоминает Марина.

Я возвращаюсь к игре, двигаю фигурку на перевал и забираю карточку события.

«Врата между мирами открыты. Все игроки меняются землями по часовой стрелке».

– Нет, – говорю я.

– Что там? – Кристина тянется посмотреть.

– Мы меняемся королевствами.

Марина оживает.

– Покажи.

Я отдаю карточку. Она читает, улыбается и тут же сgreбает мои ресурсы к себе.

– Судьба существует.

– Это дурацкое правило.

– Две минуты назад ты называла правила священными.

– Пока они работали на меня.

– Очень зрелая позиция.

Кристина пересаживается ближе, чтобы не перепутать свои монеты с моими. Её духи пахнут чем-то сладким и холодным, вроде груши из холодильника. Она всегда выглядит собранной, даже когда сидит на полу в растянутой футболке. Волосы уложены. Ногти одинаковой длины. На правом запястье – тонкий золотой браслет – подарок человека, о котором она перестала рассказывать месяц назад, но браслет не сняла.

Мы не спрашиваем.

В нашей дружбе есть места, куда можно не заходить. Это не значит, что их нет.

– Кстати, – говорит Кристина, – мне сегодня предложили повышение.

Марина перестаёт сортировать карточки.

– И ты молчала три часа?

– Два с половиной.

– Крис.

– Я ещё не решила.

– Что решать? – спрашиваю я. – Ты же хотела руководить отделом.

Она проводит пальцем по краю бокала. Вино оставляет тёмную дугу.

– Хотела. Но там испытательный срок, другой график и начальник, который улыбается только людям, которых соби-
рается уволить.

– Ты справишься, – говорит Марина.

– Я знаю.

Ответ выходит слишком быстрым.

Кристина смотрит на поле. Я вижу, как её лицо меняется – всего на секунду, прежде чем она снова улыбается. В этом выражении нет страха. Скорее усталость от необходимости всё время быть той, кто справляется.

Мне хочется сказать что-то правильное. Что мы рядом. Что должность не определяет её жизнь. Что она может отка-
заться, если не хочет. Но правильные слова часто звучат так, будто их распечатали на кружке.

– Если станешь начальницей, будешь покупать вино доро-
же, – говорю я.

Она фыркает.

– Вот ради чего стоило делиться.

Марина поднимает свою чашку.

– За будущую начальницу.

– Я не согласилась.

– За будущую отказавшуюся начальницу.

– Это ещё хуже.

Мы всё равно чокаемся. Мой бокал ударяется о край её бокала чуть сильнее, чем нужно, и несколько капель проли-
ваются на стол. Я машинально вытираю их рукавом.

В этот момент мне кажется, что в комнате кто-то ещё есть.

Не звук. Не тень. Скорее ощущение чужого внимания, настолько ясное, что кожа между лопатками стягивается.

Я оборачиваюсь к окну.

Там только наше отражение. Три женщины на полу. Разбросанные карточки. Торшер с кривым абажуром. За стеклом – тёмный двор.

– Что? – спрашивает Марина.

– Ничего.

Но я продолжаю смотреть.

Отражение запаздывает? Нет. Глупость. Я двигаю рукой – женщина в стекле двигает своей. Кристина берёт сыр. Марина надевает второй носок поверх первого, потому что не нашла снятый.

Я подхожу к окну и касаюсь рамы. Пластик холодный.

– Сквозит? – спрашивает Кристина.

– Показалось.

– У тебя всегда сквозит.

– Потому что хозяин считает монтажную пену роскошью.

Во дворе никого. Даже у подъезда, где обычно курят двое подростков в одинаковых чёрных куртках, пусто. Фонарь мигает. На снегу – старые следы, серые от песка.

Я задёргиваю штору.

– Всё, – говорю. – Продолжаем.

– Боишься, что соседи украдут стратегию? – Марина наконец находит носок под диваном.

– Именно.

Игра расплзается ещё на час. Мы спорим из-за правил, ищем инструкцию в интернете, забываем, зачем открыли телефон, и начинаем смотреть фотографии нелепых ремонтов. Кристина показывает квартиру с ванной посреди кухни. Марина утверждает, что могла бы там жить, если цена ниже рынка. Я говорю, что она могла бы жить в картонной коробке, если рядом остановка.

Потом внезапно становится два часа ночи.

– Последний раунд, – говорю я.

– Ты сказала это четыре раунда назад, – замечает Кристина.

– Теперь честно.

– Ладно.

Марина идёт на кухню за водой. Слышно, как она открывает шкаф, хотя стаканы стоят в другом.

– Слева, – кричу я.

– Я знаю!

Хлопает ещё одна дверца.

Кристина собирает волосы в хвост и смотрит на меня.

– Ты опять не спишь?

– Сплю.

– По четыре часа?

– Иногда пять.

– Настя.

Я двигаю монеты в ровный ряд.

– Работа.

– Ты ненавидишь эту работу.

– Я не ненавижу. Я просто не люблю людей, таблицы и отчёты.

– Это вся работа.

– Зато платят вовремя.

Она хочет продолжить, но возвращается Марина с тремя кружками. Не стаканами. В моей любимой кружке с лисой плавает чайный пакетик, хотя я не просила чай.

– Кофе будешь? – спрашивает она.

– Сейчас два ночи.

– Значит, нет?

– Нет.

– Ладно.

Она ставит кружку перед собой и садится. Несколько минут мы молчим. Это редкое молчание, которое не надо заполнять. За стеной у соседей начинает работать стиральная машина. Барабан глухо перекачивает бельё. Кто-то сверху роняет тяжёлую вещь.

Я думаю, что надо купить соль. Мы доели последнюю, когда пекли картошку. Мысль совершенно не вовремя, но я всё равно записываю её в телефон.

– Готовы? – спрашивает Кристина.

Мы киваем.

И тогда торшер гаснет.

Сначала я думаю, что выбило пробки. Потом замечаю:

свет в кухне горит. Лампочка под потолком тоже. Погас только торшер, хотя его шнур по-прежнему в розетке.

– Лампочка умерла, – говорит Марина.

В середине комнаты воздух дрожит.

Не как от жара. По-другому. Я вижу стену, стол и Кристино лицо, но линии становятся мягкими, текут, будто кто-то провёл мокрой ладонью по рисунку.

– Вы это видите? – спрашиваю я.

Марина не отвечает.

Она уже встала.

Дрожь собирается в узкую вертикальную щель. Из неё льётся белый свет, слишком яркий и всё же не освещает комнату. Края щели темнеют, покрываются синими искрами.

Кристина отступает и наступает на игровое поле. Деревянные башни разлетаются.

– Настя...

Стены стонут.

Я не знаю, может ли бетон издавать такой звук. Низкий, протяжный, как если бы дом пытались разорвать руками.

Щель расширяется.

С той стороны пахнет дымом, мокрой шерстью и грозой.

А потом из света выходит копыто размером с мою грудную клетку.

Глава 2. Портал посреди комнаты

Первое копыто разбивает край журнального стола.

Доски ломаются сухо, почти буднично. Моя кружка с лисой падает на пол и раскалывается пополам. Чай растекается между карточками, деревянные солдаты плывут в нём лицами вниз.

Я смотрю на это дольше, чем нужно.

Наверное, мозг выбирает самое понятное. Разбитая кружка понятна. Существо, которое протискивается через разрыв в воздухе, – нет.

У него человеческий торс и тело быка.

Не костюм. Не механизм. Я вижу, как под тёмной шкурой двигаются мышцы, как пар вырывается из широких ноздрей животной части, как ремни врезаются в грудь человека. На голове – короткие рога, заточенные и обмотанные медной проволокой. В одной руке он держит сеть. В другой – крюк с тупым концом.

За ним идёт второй.

Комната становится меньше сразу. Они заполняют её высотой, запахом, тяжёлым дыханием. Ламинат трещит под копытами. Один цепляет плечом люстру, и та раскачивается, бросая тени по стенам.

Марина первой приходит в себя.

Она хватает бутылку вина и швыряет.

Бутылка ударяет ближайшего в грудь. Стекло разлетается, вино брызгает на ремни и кожу. Существо вздрагивает, больше от неожиданности, чем от боли.

– Бежим! – кричит Марина.

Куда?

Входная дверь за ними. Кухня заканчивается окном на седьмом этаже. Ванная – коробка без выхода. Но тело уже решает за меня. Я хватаю Кристину за руку и тяну в коридор.

Кентавр делает два шага.

Только два.

Крюк цепляет меня за пояс джинсов. Я дёргаюсь вперёд, ткань впивается в живот, потом трещит. Меня отбрасывает назад. Колени ударяются о пол.

Кристина вырывается и добегают до ванной. Захлопывает дверь. Щёлкает замок.

– Марина! – кричу я.

Она на кухне, вооружилась ножом. Маленьким, для овощей. Лезвие дрожит в её руке.

– Не подходи!

Кентавр поворачивается к ней всем тяжёлым телом. Его хвост ударяет по шкафу. Дверца слетает с петли.

Он говорит что-то.

Слова гортанные, с рычащими согласными. Я не понимаю ни одного, но тон ясен: приказ.

– Пошёл ты, – отвечает Марина.

Она бросается первой.

Позже я буду вспоминать это движение и злиться. На неё, на себя, на то, что мы никогда не договаривались, кто из нас должен быть разумной в настоящей опасности. Марина вонзает нож в руку существа. Лезвие входит неглубоко. Кентавр ревёт и бьёт её тыльной стороной ладони.

Марина падает возле холодильника.

Внутри меня что-то обрывается.

Я хватаю с пола обломок бутылки. Край режет ладонь, но боль приходит издалека. Я вскакиваю и целюсь туда, где человеческий торс соединяется с бычьим телом. Не знаю, уязвимо ли это место. Не знаю ничего.

Второй ловит меня за запястье.

Его пальцы смыкаются полностью. Я быю свободной рукой, царапаюсь, пытаюсь укусить. Он выворачивает кисть, и стекло падает. Потом поднимает меня так легко, будто я куртка со спинки стула.

– Отпусти!

Он говорит коротко, почти успокаивающе.

Я плюю ему в лицо.

На секунду его выражение меняется. Не ярость. Изумление.

Пользуясь этим, я быю коленом в грудь. Бессмысленно. Колено скользит по жёсткому ремню.

Из ванной доносится грохот.

Третий воин уже вышел из портала. Он не пытается открыть дверь. Просто разворачивается и бьёт задними копы-

тами.

Дерево ломается. Куски летят в коридор. Кристина кричит.

– Нет!

Я дёргаюсь так резко, что плечо пронзает боль. Кентавр перехватывает меня поперёк туловища. Его рука давит под грудью, мешая вдохнуть.

Из разрушенной ванной Кристину вытаскивают за талию. Она бьёт ногами, цепляется за косяк, срывает ноготь. На белой краске остаётся красная полоса.

Марина приходит в себя.

Я вижу это по её глазам. Сначала они пустые, потом вдруг становятся собранными. Она не поднимается. Лежит неподвижно, будто снова потеряла сознание, и медленно тянется к нижнему шкафчику.

Там стоит аэрозоль от насекомых.

Она берёт баллон и зажигалку, которую Кристина оставила на кухне после свечей.

– Марина, нет, – выдыхаю я.

Она нажимает.

Огонь вырывается коротким жёлтым языком. Ближайший воин отшатывается. Пламя облизывает его плечо, обжигает волосы на руке. В комнате сразу пахнет палёным.

На несколько секунд начинается хаос.

Кентавр, державший Кристину, разворачивается. Третий пытается оттеснить его от портала. Марина поднимается на

колени и снова выпускает огонь. Я бью локтем в лицо тому, кто держит меня. Он ослабляет хватку.

Я падаю, ударяюсь боком о край дивана и ползу к Марине.
– К двери! – кричит она.

Входная дверь теперь свободна.

Между нами и ею четыре метра, перевёрнутый стол и копыта. Но я вижу дверную ручку. Обычную, серебристую, с пятном от моих пальцев. Никогда прежде ничего не хотела так сильно.

Мы почти успеваем.

Марина добегает первой, хватается ручку. Я рядом. Кристина кричит из-за спины.

И портал делает вдох.

Свет втягивается внутрь, затем выбрасывается волной. Меня прижимает к стене. Воздух становится густым. Волосы поднимаются, по коже бегут болезненные искры.

Ручка двери раскаляется под Марининой ладонью. Она вскрикивает и отпускает.

Сеть падает сверху.

Грубые верёвки прижимают нас к полу. В узлах вплетены металлические пластинки, и каждая светится тусклым синим. Я хватаюсь за сеть – пальцы сводит судорогой.

– Не трогай! – Марина говорит это сквозь зубы.

Слишком поздно.

Кентавры окружают нас.

Один хромает. На руке у него кровь от Марининового но-

жа. Другой обожжён. Тот, в кого я плюнула, вытирает лицо и смотрит на меня с выражением, которое обещает, что он запомнил.

Крестину приносят и бросают рядом. Она плачет без звука. На щеке у неё белая пыль от разбитой стены, волосы закрывают лицо.

— Крис, — говорю я. — Посмотри на меня.

Она не сразу поворачивает голову.

— Мы выберемся.

Не знаю, зачем это говорю. Ложь выглядит жалко даже в момент произнесения. Но Кристина цепляется пальцами за мой рукав.

Воин с обожжённым плечом достаёт из сумки три полосы ткани.

— Нет, — говорит Марина.

Он наклоняется.

Ткань пахнет травами и чем-то сладким, приторным. Я отворачиваю голову, но кентавр зажимает мне нос. Приходится вдохнуть ртом.

Мир размазывается почти сразу.

Я слышу, как Марина ругается. Кристина зовёт меня. Или мне кажется. Свет портала дрожит, его края сжимаются. За ним — каменный зал, факелы, рогатые тени.

Меня поднимают вместе с сетью.

Гостиная переворачивается. Я вижу потолок, люстру, пятно от старой протечки. На полу лежит половина кружки с

лисой. Её нарисованная морда уцелела и смотрит прямо на меня.

Мы проходим сквозь свет.

На одно мгновение нет ничего.

Ни тела, ни воздуха, ни звука. Только холод, который не снаружи, а внутри костей. Мне кажется, что я распадаюсь на отдельные мысли. Мама. Соль. Носок под диваном. Незакрытый кран в ванной. Я не сказала хозяйке, что снова течёт труба.

Потом тело возвращается разом.

Камень ударяет в плечо. Вокруг кричат незнакомые голоса. Пахнет дымом и животными. Кто-то перерезает сеть, но я уже не могу пошевелиться.

Перед тем как темнота закрывает всё, я вижу возвышение.

На нём стоит огромный мужчина с рогами.

Ниже пояса начинается тело чёрного быка.

Он смотрит на нас без удивления.

Так смотрят на вещи, которые заказали и наконец получили.

* * *

Я прихожу в себя ещё раз, ненадолго.

Меня несут по коридору. Голова свисает с чьей-то руки, и мир качается в такт тяжёлым шагам. Каменные стены проходят рядом, на них висят красные полотнища. Вышитые рога расходятся над чёрной башней.

Я пытаюсь поднять руку.

Не получается.

Рядом стонет Марина. Значит, жива.

– Кристина? – язык едва слышится.

Никто не отвечает.

Я открываю глаза шире и вижу впереди её светлые волосы.

Её несёт другой кентавр. Рука Кристины болтается, пальцы почти касаются пола.

Тоже жива.

Этого достаточно, чтобы снова провалиться в темноту.

Глава 3. Другое небо

Кто-то капает водой мне на губы.

Я хочу отвернуться, но голова тяжёлая и чужая. Вода собирается в уголке рта и стекает по щеке в волосы.

– Ещё, – говорит женский голос.

Я открываю глаза.

Надо мной склоняется пожилая женщина. Серые волосы собраны в тугой узел. На лбу – тонкая цепочка с зелёным камнем. Лицо человеческое, если не считать слишком больших тёмных глаз и маленьких загнутых рожек у висков.

Я дёргаюсь.

Женщина удерживает меня за плечо.

– Лежи.

Я понимаю её.

Смысл приходит не через слова. Звуки чужие, но внутри головы они складываются в знакомую речь с лёгкой задержкой, будто плохой перевод в наушниках.

– Почему я понимаю?

Женщина кивает на чашу.

– В воде была крошка камня языка. Он переводит речь, обращённую к собеседнику. Если шепчешь своим и намеренно не выпускаешь слова наружу, камень может промолчать. Он знает наречия Таврогарда и соседних родов, но не каждый язык этого мира. Письмена он не читает и чужую

волю не угадывает.

Значит, это не знание языка. Только мост, положенный поверх него.

– Где...

Горло сухое. Получается хрип.

Она подносит чашу. Я пью слишком быстро, захлёбываюсь, кашляю. Боль вспыхивает в груди.

– Медленнее, мелкая.

Мелкая.

Я вспоминаю копыта в гостинной.

Сажусь так резко, что комната качается. Подо мной не кровать, а широкий настил, застеленный шерстяными одеялами. Стены палатки сделаны из плотной серой ткани. Через верхнее отверстие падает дневной свет.

– Марина. Кристина.

– Рядом.

Я не верю.

Спускаю ноги. Пол покрыт сухой травой и тонкими коврами. Слева лежит Марина, бледная, с синяком на скуле. Дышит. Справа – Кристина, свёрнутая на боку. Её ладонь перевязана.

Я ползу к ним.

– Марин.

Трогаю шею. Пульс есть.

Кристина вздрагивает от моего голоса, открывает глаза и сразу начинает отползать, пока не упирается спиной в стену

палатки.

– Не подходи.

– Это я.

Она смотрит несколько секунд.

– Настя?

– Да.

Её лицо искажается. Она тянется ко мне, и мы сталкиваемся неловко, коленями, руками. Кристина обнимает слишком крепко. Я чувствую, как она дрожит.

– Я думала...

– Я здесь.

– Марина?

– Жива.

Женщина с рожками наблюдает за нами. Ни сочувствия, ни раздражения. Она ставит чашу на низкий столик, где лежат рулоны ткани, деревянная ложка и нож с костяной рукоятью.

– Что вы с нами сделали? – спрашиваю я.

– Дали сонное зелье. Иначе воины принесли бы вас сломанными.

– Где мы?

– На дороге к Таврогарду.

– Верните нас.

Она поправляет пояс на тёмном платье. Ниже талии ткань скрывается за краем настила, и только теперь я понимаю, что не вижу её тела полностью.

Она отходит назад.

Под человеческим торсом – тело небольшого оленя. Тонкие ноги, светло-коричневая шерсть, белые пятна на боках.

Кристина издаёт короткий звук.

Женщина смотрит на неё.

– Лучше привыкай. В городе увидишь других.

– Это сон, – шепчет Кристина. – У меня сотрясение. Галлюцинации.

– Тогда у нас одинаковые, – говорю я.

Марина стонет.

Мы обе поворачиваемся к ней. Она открывает глаза, щурится и поднимает руку к лицу.

– Почему потолок из тряпки?

– Потому что мы в палатке.

– А почему...

Она замечает женщину.

Молчание длится долго.

– Хорошо, – говорит Марина. – Я ещё посплю.

Закрывает глаза.

– Марин.

– Нет. Подожди. Я почти проснулась нормально.

Женщина фыркает. Возможно, это смех.

Снаружи раздаётся протяжный рог. Палатка вздрагивает, пол под нами начинает двигаться.

Нет, не пол. Вся палатка стоит на большой повозке.

За тканевой стеной грохочут колёса, топают десятки ног.

Я различаю тяжёлые удары копыт и более быстрый цокот. Скрипит кожа. Кто-то перекрикивается.

Я поднимаюсь на колени и откидываю край полога.

Женщина хватает меня за запястье.

– Не прыгай.

– Отпустите.

– На такой скорости сломаешь шею.

– Я сказала, отпустите.

Она отпускает.

Я выглядываю наружу.

Небо огромное.

Это первая мысль. В нашем городе небо всегда разрезано домами, проводами, балконами. Здесь оно начинается у самого горизонта и занимает всё. Синее, сухое, без единого самолётного следа. По нему медленно плывут плоские белые облака.

Степь тянется во все стороны. Жёлтая трава, редкие чёрные камни, низкие кусты. Далеко слева движется стадо существ, похожих на оленей, но с длинными серебристыми рогами.

Повозку окружают кентавры.

Теперь я вижу их при дневном свете.

Большинство с лошадиными телами: гнедыми, серыми, чёрными. На человеческих торсах кожаные доспехи, плащи, перевязи. Волосы собраны в косы. Некоторые несут короткие луки. Рядом идут бычьи – те самые, что ворвались в

квартиру. Они массивнее, ниже, с широкими спинами и тяжёлыми шеями. Один обожжённый. На плече у него свежая повязка.

Он замечает меня.

Улыбается.

Я закрываю полог.

– Далеко до города? – спрашиваю женщину.

– До заката.

– Как вернуться?

– Через разлом.

– Где он?

– В Таврогарде.

– Кто его открывает?

Она смотрит на меня чуть дольше.

– Король.

Марина наконец садится. Прижимает ладонь к синяку.

– Тот рогатый ублюдок в зале?

Женщина не отвечает.

– Как вас зовут? – спрашивает Кристина.

Я бросаю на неё взгляд. Мне не приходит в голову спрашивать имя человека, который участвует в нашем похищении. Но Кристина всегда ищет правила раньше, чем выход. Наверное, сейчас это не худшая стратегия.

– Элва.

– Вы врач?

– Травница.

– Вы нас похитили?

– Я вас лечу.

– Это не ответ.

Элва пожимает плечами.

– Значит, вопрос был плохой.

Марина тихо смеётся и тут же морщится от боли.

– Она мне почти нравится.

– Не надо, – говорю я.

– Я сказала «почти».

Мы проверяем друг друга. У Кристины сорван ноготь и порезана ладонь. У Марины синяк, разбитая губа и ожог на руке от дверной ручки. У меня болит плечо, ладонь порезана стеклом, на животе фиолетовая полоса от крюка. Ничего не сломано.

Это должно успокаивать.

Не успокаивает.

– Телефоны, – говорит Кристина.

Я ощупываю карманы. Пусто.

Марина проверяет свой.

– У меня тоже нет.

– Сумки?

– Всё осталось дома.

Дом.

Слово ударяет неожиданно. Я вижу комнату после нас: разбитый стол, чай на полу, дверь ванной, висющую на одной петле. Соседи, наверное, вызвали полицию. Или не вызвали.

Может, портал закрылся без звука, и теперь все думают, что мы просто исчезли. Мама позвонит утром. Потом ещё раз. К вечеру начнёт беспокоиться.

Я обещала приехать к ней в воскресенье.

– Сколько мы спали? – спрашиваю.

– Часть ночи и половину дня, – отвечает Элва.

– Один день?

– Да.

– Время здесь идёт так же?

– Не знаю, как идёт время в вашем мире.

Она говорит это без злости. Просто не знает.

Я снова открываю полог, осторожнее. Впереди, далеко у горизонта, виднеется тёмная полоска. Сначала принимаю её за горы. Потом замечаю башни.

Город.

Даже отсюда он кажется невозможным. Стены поднимаются прямо из степи, чёрные, зубчатые. Над ними торчат десятки башен. На самых высоких развеваются красные знамёна. Ветер иногда разворачивает полотнища, и я вижу белые рога над силуэтом крепости.

– Таврогард? – спрашиваю.

– Он.

– Там портал?

– Да.

Я смотрю на расстояние. До города несколько часов. Вокруг открытая степь. Охрана многочисленная, но не беско-

нечная. Сейчас день. Если дожждаться темноты...

– Не думай, – говорит Элва.

– О чём?

– О прыжке.

– Вы не знаете, о чём я думаю.

– Все пленники думают одинаково в первый день.

В палатке становится тихо.

– Все? – переспрашивает Марина.

Элва берёт свою чашу.

– Пейте ещё. Дорога трясёт, к вечеру будет хуже.

– Какие пленники? – Я не двигаюсь. – Кто был до нас?

Она закрывает флакон.

– Я сказала лишнее.

– Нет, вы сказали недостаточно.

– Для дороги – достаточно.

Я встаю. Повозка качается, приходится схватиться за деревянную стойку.

– Нас трое. Нас увезли из дома. Мы не понимаем, где находимся и зачем. Вы будете отвечать.

Элва смотрит снизу вверх. Она меньше воинов, но рядом с ней я всё равно чувствую себя ребёнком, который требует ключи от запертой комнаты.

– Буду, – говорит она. – Когда мне прикажут.

– Кто?

Снаружи снова звучит рог.

Повозка замедляется.

Элва отдёргивает полог полностью. Ветер врывается внутрь, приносит запах пыли и нагретой травы.

– Тот, кто открыл дверь.

К вечеру стены Таврогарда закрывают половину неба.

Я пытаюсь считать башни и сбиваюсь после тридцатой. Внешняя стена сложена из огромных тёмных блоков, каждый выше меня. Между зубцами ходят вооружённые фигуры. Перед воротами дорога расширяется, превращаясь в утрамбованную площадь. По ней движутся повозки, стада, отряды всадников – хотя слово «всадники» здесь не подходит. Никто ни на ком не сидит.

Город встречает нас гулом.

Металл ударяет о металл. Ревут животные. Торговцы выкрикивают цены на незнакомом языке, который у меня в голове превращается в понятные слова с той же странной задержкой. Пахнет навозом, жареным мясом, дымом, горячим камнем и сладкими специями.

Люди – кентавры – оборачиваются.

Я вижу конские тела, бычьи, оленьи. Один мужчина с телом огромного кабана несёт на плече бочку. Женщина с пятнистым кошачьим туловищем сидит у лавки, поджав лапы, и кормит ребёнка, у которого пока только маленькие копытца.

Они смотрят на нас.

Некоторые с любопытством. Некоторые с жалостью. Другие так, словно оценивают товар на рынке.

Кристина отодвигается от полога.

– Закрой.

Я закрываю.

Но взгляды остаются. Я чувствую их через ткань, пока повозка проходит под аркой ворот и въезжает в город, из которого, как нам сказали, есть только один путь домой.

Через короля.

Глава 4. Таврогард

Нас не везут во дворец.

Повозка сворачивает с широкой улицы, проходит между складами и останавливается у длинного каменного здания, окружённого высокой стеной. Над воротами нет знамени. Только вырезанный в камне знак: круг, пересечённый тремя вертикальными линиями.

– Выходите, – говорит Элва.

– Куда? – Марина не двигается.

– В дом.

– Чей?

– Ваш.

– У нас есть дом.

Элва смотрит на неё устало.

– Тогда в здание, где вы будете жить.

Снаружи ждут четверо стражников. Двое бычьих, двое конских. Оружие у них на поясе, но в руках ничего нет. Возможно, это должно выглядеть мирно.

Я спускаюсь первой.

Земля кажется неподвижной только первые секунды. Потом колени подгибаются, будто я всё ещё чувствую качку повозки. Один из стражников протягивает руку. Я отмахиваюсь.

Двор засыпан мелким белым гравием. По периметру рас-

тут деревья с серебристыми листьями, под ними стоят каменные чаши с водой. Здание двухэтажное, с широкими дверями и окнами без стёкол. Вместо них – резные деревянные решётки.

Слишком красиво для тюрьмы.

От этого хуже.

Кристина спускается следом, держась за край повозки. Марина прыгает сама и едва не падает.

– Не геройствуй, – говорю я.

– Поздно.

Ворота за нами закрываются.

Звук засова тихий. Я всё равно слышу его.

Из здания выходит женщина.

Она старше Элвы, высокая даже в человеческой части. Волосы совершенно белые, собраны в толстую косу, перекинутую через плечо. На ней тёмно–синее платье без украшений. Ниже талии – тело крупной гнедой кобылы, ухоженное, с чёрными ногами. Идёт она медленно, но стражники выпрямляются раньше, чем она приближается.

– Матрона Ирса, – говорит Элва.

Ирса останавливается перед нами.

Она поочерёдно осматривает каждую из нас. Её взгляд задерживается на моих порезанных руках, на синяке Марины и на Кристинином сорванном ногте.

– Это всё?

– Ушибы. Ожог. У светловолосой было лёгкое отравление

переходом, но уже прошло.

– Сопротивлялись?

Элва смотрит на повязку обожжённого стражника.

– Да.

– Хорошо.

Марина прищуривается.

– Что именно хорошо?

Ирса переводит взгляд на неё.

– Что вы живы.

Голос у неё низкий, спокойный. Перевод в голове почти не запаздывает. Возможно, я начинаю привыкать к магии. От этой мысли становится тошно.

– Нам нужен портал, – говорю я.

– Конечно.

– Сейчас.

– Нет.

– Нас похитили. Ваши люди ворвались в квартиру, избили нас и привезли сюда. Вы не можете просто...

– Могу.

Она произносит это без угрозы. Как факт о погоде.

Я делаю шаг к ней. Стражники не двигаются, но один кладёт ладонь на рукоять ножа.

– Тогда отведите нас к королю.

– Завтра.

– Почему не сегодня?

– Потому что вы грязные, уставшие и напуганные. Король

не любит, когда перед ним падают в обморок.

– Я не упаду.

– Это говорят многие.

Снова это слово.

– Многие кто? – спрашивает Кристина.

Ирса не отвечает. Разворачивается.

– За мной.

Мы остаёмся на месте.

Она проходит несколько шагов, останавливается и смотрит через плечо.

– Можно войти самим. Можно позволить страже внести вас. Итог одинаковый, впечатления разные.

Марина тихо выдыхает ругательство.

Мы идём.

Внутри прохладно. Пол выложен светлым камнем, стены оштукатурены и расписаны тонкими ветвями. Коридор широкий – достаточно, чтобы два кентавра разошлись бок о бок. Вместо лестницы на второй этаж поднимается пологий пандус.

По пути встречаются женщины.

Почти все кентавры: лошадиные, олени, одна с телом козы и короткими загнутыми рогами. Они несут бельё, подносы, кувшины. Некоторые останавливаются, чтобы посмотреть на нас. Молодая девушка роняет ложку. Та звенит о камень.

– Не глазеть, – говорит Ирса.

Девушка поспешно поднимает ложку.

Нас приводят в комнату с тремя низкими кроватями. Здесь окна уже со стеклом, мутным и толстым. На полу ковёр. В углу – стол, три табурета и сундук. На стене висит го-белен с изображением степи.

– Вода там. – Ирса указывает на дверь в смежное помеще-ние. – Одежду принесут. Еду тоже.

– Наша одежда нормальная, – говорит Марина.

Её футболка порвана на плече, джинсы в пыли и крови.

– Нет.

– Нам нужны телефоны.

– Предметы из вашего мира хранятся у королевских ма-гов.

– Почему?

– Они изучают всё, что проходит через разлом.

– Там личные вещи, – говорит Кристина.

– Для магов личных вещей нет.

Ирса подходит к столу, наливает воду из кувшина. Пьёт сама, словно показывает, что она не отравлена.

– Садитесь.

Мы не садимся.

Она ставит чашу.

– Завтра вас примет король Гормак. До этого времени вы останетесь здесь. Двери не заперты, но за внешней стеной стража. Попытка побега закончится быстро.

– Нас убьют? – спрашивает Кристина.

– Нет.

– Тогда чем?

– Вернут.

Марина скрещивает руки.

– И всё?

– А тебе мало?

– Я хочу понимать правила.

– Хорошее желание.

Ирса впервые улыбается, но только уголком рта.

– Правило первое: не пытайтесь ранить слуг. Они не виноваты в том, что вы здесь. Правило второе: не выходите во двор после третьего вечернего колокола. В это время выпускают сторожевых гончих. Правило третье: не трогайте украшения с синими камнями. В них может быть магия.

Она замечает, что мы переглядываемся.

– Вечер здесь делят шесть колокольных сигналов. Каждый сигнал состоит из нескольких ударов. Когда говорят «третий колокол», имеют в виду третью серию, а не третий удар одной серии. Запомните, иначе однажды опоздаете на целый час.

– Правило четвёртое: не задавать вопросов? – спрашиваю я.

– Задавать можно.

– Тогда зачем мы здесь?

– Потому что король выбрал вас.

– Для чего?

Она смотрит на меня.

В её лице что-то меняется. Совсем немного. Как будто ответ ей неприятен, но не настолько, чтобы отказаться слушать.

– Завтра он скажет сам.

– Скажите вы.

– Нет.

– Почему?

– Потому что после моих слов ты решишь, что я лгу. После его – поймёшь, что нет.

Мне холодно, хотя в комнате тепло.

– Нас было больше? – спрашиваю я. – До нас.

Марина поворачивается ко мне. Кристина замирает.

Ирса медленно проводит ладонью по краю стола. На одном пальце у неё старый шрам, белая неровная линия.

– Были другие разломы, – отвечает она.

– И другие женщины.

– Были разные люди.

– Где они?

– Некоторые вернулись.

– А остальные?

– Остались.

– Почему?

– У каждого своя причина.

– Они живы?

Ирса берёт пустую чашу.

– Отдыхайте.

Она направляется к двери.

Я встаю у неё на пути. Это глупо: её тело в несколько раз тяжелее моего, а в коридоре ждут стражники. Но отступить сейчас кажется хуже.

– Я спросила, живы ли они.

Ирса смотрит на меня сверху вниз.

– Некоторые.

Она обходит меня и уходит.

Дверь остаётся открытой.

Несколько секунд никто не говорит.

Потом Марина подходит и закрывает её сама.

– Так, – произносит она. – Паниковать будем по очереди.

Кристина садится на ближайшую кровать.

– Я уже начала.

– Тогда ты первая.

– Марин.

– Что? Это система.

Я подхожу к окну. Решётки нет. Стекло вставлено в массивную раму, створка открывается внутрь. За ней двор, серебристые деревья и стена высотой не меньше четырёх метров. Наверху ходит стражник с луком.

– Можно связать простыни, – говорит Марина за спиной.

– И спуститься во двор, из которого нет выхода.

– Сначала надо проверить всё.

Она права.

Мы осматриваем комнату. Сундук пустой. Под кроватями

ничего. В умывальной – каменная ванна, отверстие для стока и два крана, из которых действительно течёт вода: холодная и почти горячая. Магия или неизвестная система труб. Окно там маленькое, в него не пролезет даже Кристина.

Дверь без замка с нашей стороны.

Коридор свободен.

Мы выходим.

Служанка с козым телом тут же поднимает голову от стопки полотенец. Не останавливает. Только смотрит, как мы идём к выходу.

– Может, Ирса не врала, – шепчет Кристина. – Двери и правда открыты.

– В клетке тоже можно не запира́ть комнату, если заперт двор, – отвечаю я.

Главная дверь ведёт во внутренний сад. По дорожкам ходят женщины. В центре журчит фонтан: вода льётся из пасти каменного быка. У дальней стены стоят широкие деревянные ворота.

Два стражника.

Мы не идём к ним. Пока.

Сначала обходим здание. На заднем дворе кухня, прачечная и навес с бочками. В стене есть ещё одна дверь, узкая, служебная. Она заперта. Замок железный, обычный на вид.

Марина касается его пальцами.

– Нужна шпилька.

Кристина машинально проверяет волосы. Все заколки по-

терялись.

– Принесут одежду, может, там будет что–то.

– Или найдём проволоку, – говорю я.

Мы продолжаем.

Возле кухни пахнет хлебом. Желудок болезненно сжимается. Я не ела со вчерашнего вечера, если здесь вообще всё ещё «вчера».

На низкой скамье сидит девочка–кентавр и чистит яблоко. Ей лет двенадцать в человеческой части. Лошадиное тело маленькое и нескладное, ноги непропорционально длинные. Она смотрит на нас с открытым любопытством.

– Вы из–за стены мира? – спрашивает она.

– Да, – отвечает Кристина.

– У вас правда только две ноги?

Марина оглядывает себя.

– Похоже на то.

Девочка хихикает.

– А вы не падаете?

– Иногда падаем.

– Лисса!

Из кухни выглядывает женщина с деревянной ложкой.

– Не приставай к невестам.

Слово проходит через меня с задержкой.

Невестам.

– Кому? – спрашиваю я.

Женщина понимает, что сказала. Быстро исчезает в кухне.

Девочка опускает яблоко.

– Я не должна была.

Я приседаю перед ней.

– Невестам кого?

– Мне нельзя говорить.

– Короля?

Она смотрит на ворота, потом кивает.

Кристина бледнеет.

Марина стоит неподвижно. Я знаю это её состояние: ярость ещё не вышла наружу, только собирается.

– Что значит «невесты»? – спрашиваю я. – Он хочет на нас жениться?

Девочка мнёт кожуру яблока.

– Не знаю.

Лжёт.

– Лисса, иди сюда! – снова зовут из кухни.

Она вскакивает и убегает. Копытца стучат по камню быстро и неровно.

Мы возвращаемся в комнату молча.

На кроватях уже лежит одежда: длинные рубашки, мягкие штаны с завязками, тёплые накидки. Всё человеческого размера. Значит, готовили заранее. Или осталось от предыдущих.

На столе – хлеб, сыр, миска тушёных овощей и три чашки.

Марина закрывает дверь.

– Невесты, – говорит она.

– Может, это общий термин, – Кристина садится. – Перевод может быть неточным.

– Тебя похитили трёхметровые быки через дыру в воздухе, а ты надеешься на ошибку перевода?

– Я пытаюсь не сойти с ума.

– Плохая новость: мы уже на месте, где это разумная реакция.

– Хватит, – говорю я.

Они замолкают.

Я смотрю на еду. Потом на одежду. На три кровати, приготовленные именно для нас.

– Завтра узнаем, – говорю. – Сегодня нужно поесть, выспаться и найти выход со двора.

– Ты правда думаешь, что мы сможем сбежать? – спрашивает Кристина.

– Да.

Я так не думаю.

Но теперь ложь звучит крепче, чем в квартире.

Мы едим. Хлеб тёплый, с хрустящей коркой. Сыр острый, пахнет травами. Овощи незнакомые: фиолетовые клубни, зелёные полоски, что-то похожее на морковь. Всё слишком вкусное для первого ужина в плену.

Марина жуёт и рассматривает дверь.

– Стража меняется после заката, – говорит она. – Я видела.

– Сколько?

– У главных ворот было двое, стало трое. У служебной двери никого.

– Замок.

– Замок можно открыть.

Кристина опускает чашу.

– А потом? Город. Стены. Мы даже не знаем, в какой стороне портал.

– Во дворце, – говорю я. – Король управляет им.

– Значит, надо не убегать из города, а попасть во дворец.

Марина смотрит на меня.

Мы думаем об одном и том же.

Завтра нас туда отведут сами.

– Сначала поговорим с ним, – говорит Кристина. – Может быть, это какой-то обмен. Может, им нужны знания, технологии. Мы объясним, что за нас будут искать.

– Кто? – спрашивает Марина. – Полиция откроет межмировой отдел?

Кристина отворачивается.

– Не надо.

Марина сразу жалеет о своих словах. Я вижу это по тому, как у неё опускаются плечи.

– Прости.

– Нормально.

– Нет.

– Я сказала, нормально.

Их голоса становятся тише. Я отхожу к окну.

Снаружи темнеет. На стене зажигают факелы. Серебристые листья шуршат, хотя ветра почти нет. Где-то далеко ударяет колокол.

Один раз.

Потом второй.

Я думаю о маме. О том, что она сейчас, возможно, спит и ещё не знает. Утром увидит мой пропущенный звонок? Нет, я не звонила. Напишет сообщение. «Ты приедешь в воскресенье?» Я всегда отвечаю не сразу, и первые несколько часов её это не испугает.

После третьего вечернего колокола во дворе открывается боковая калитка.

Из темноты выходят две огромные собаки. Нет, не собаки. Слишком длинные передние лапы, узкие морды, спины покрыты костяными пластинами. Они идут по кругу вдоль стены и нюхают землю.

Ирса не лгала.

Одна гончая останавливается под нашим окном. Поднимает голову.

Глаза у неё бледные, почти белые.

Я закрываю створку.

– Сегодня не выйдем, – говорю.

Марина подходит ко мне и видит зверя.

– Завтра?

– Завтра будем во дворце.

– И?

Я смотрю на тёмные башни, видимые над стеной. Самая высокая стоит в центре города. На вершине горит красный огонь.

– И найдём дверь домой.

Ночью я долго не сплю.

Кристина лежит у стены, свернувшись под одеялом. Марина на соседней кровати дышит ровно, но слишком ровно – тоже притворяется.

Снаружи шуршат листья. Гончие обходят двор. Иногда слышится цокот стражника на стене.

На столе стоит кувшин. Рядом кто-то оставил маленькую глиняную тарелку с тремя сливами. Одна помята сбоку.

Я смотрю на неё и почему-то вспоминаю карточку из игры.

«Врата между мирами открыты».

Мне хочется рассмеяться. Вместо этого я зажимаю рот ладонью.

– Насть, – тихо говорит Марина.

– Я не сплю.

– Я тоже.

Кристина шевелится.

– И я.

Несколько секунд мы лежим в темноте.

– Мы выберемся, – говорит Марина.

Теперь лжёт она.

– Да, – отвечает Кристина.

Я закрываю глаза.

– Да.

За стеной гончая царапает камень.

Утром нас поведут к королю Гормаку, и он объяснит, зачем похитил трёх женщин из мира, о котором почти ничего не знает.

До рассвета остаётся несколько часов.

Я считаю шаги стражника и стараюсь не думать о слове «невесты».

Глава 5. Воля короля Гормака

Утром нас будит не колокол.

В комнату входит Лисса с подносом, спотыкается о край ковра и едва не роняет три чашки. Они звякают, чай переливается через край. Девочка шепчет ругательство; перевод в моей голове почему-то превращает его в «козью задницу». Она замирает, заметив, что я смотрю.

– Матрона сказала разбудить вас, – говорит она.

Марина садится на кровати. Волосы с одной стороны прижаты, с другой торчат.

– Ты справилась.

Лисса не понимает.

– С чем?

– Разбудила.

Она ставит поднос на стол. На нём хлеб, мягкий сыр, чашки и маленькая миска с густой зелёной пастой. Запах у неё травяной, горький.

Кристина уже не спит. Лежит лицом к стене и смотрит в одну точку. Я знаю это по тому, что её плечи напряжены. Вчера мы не обсуждали слово «невесты» после третьего вечернего колокола. Ни у кого не осталось сил.

– Вам надо поесть, – говорит Лисса. – Потом мыться. Потом одеваться.

– А потом? – спрашиваю я.

Она опускает глаза.

– Во дворец.

Марина берёт чашку, нюхает.

– Яд?

– Чай.

– Это не исключает.

– Марин, – говорит Кристина.

– Что? Я уточняю местные традиции.

Лисса смотрит на нас почти с обидой.

– Я сама заваривала.

– Тогда точно яд, – говорю я.

Девочка моргает. Потом понимает, что это шутка, и улыбается. Улыбка исчезает быстро, будто ей нельзя дружить с теми, кого скоро поведут к королю.

Она уходит, оставив дверь открытой.

Мы едим молча. Хлеб ещё тёплый. Зелёная паста оказывается смесью масла и пряных листьев. Кристина не притрагивается к еде, пока я не отламываю кусок её хлеба и не съедаю.

– Довольна? – спрашиваю.

– Нет.

Но начинает есть.

В умывальной нас ждут три медных таза, полотенца и кувшины с жидкостью, пахнущей сосной. Горячая вода идёт из крана ровной струёй. Я стою под ней дольше, чем нужно. Смываю пыль, засохшую кровь, чужой запах. На животе рас-

плылся синяк от крюка – тёмный по краям, жёлтый в середине. Ладонь затянулась тонкой коркой. Плечо ноет, когда поднимаю руку.

Моя одежда лежит в углу, сложенная чужими руками. Джинсы порваны на поясе. Футболка пахнет дымом. Я всё равно хочу надеть её, но Ирса присылает другие вещи.

Три платья.

– Нет, – говорит Марина, увидев их.

Служанка с козым телом ставит корзину на пол.

– Матрона велела.

– Передай матроне, что я не ношу занавески.

Платья и правда похожи на занавески из дорогого отеля: длинные, тяжёлые, с широкими рукавами. Моё тёмно-зелёное. Кристинино синее. Маринино красное, и это, кажется, оскорбляет её сильнее самого похищения.

– У вас нет штанов? – спрашивает она.

Служанка смотрит на наши ноги.

– Для аудиенции – нет.

– У вас даже ноги другие. Почему вас волнует, что надето на моих?

– Марина, – говорю я. – Нам надо попасть во дворец.

Она понимает. Замолкает, но берёт платье двумя пальцами, словно оно мокрое.

Пока мы одеваемся, я нахожу в подкладке своего старого кармана тонкую металлическую скобу. Наверное, от молнии. Отламываю её и прячу в рукав.

Марина замечает.

Ничего не говорит.

Ирса приходит, когда мы готовы.

Она обходит нас по кругу. Кристине поправляет ворот, Марине молча развязывает слишком тугий пояс. Ко мне не прикасается. Только смотрит на волосы.

– Оставь так.

– Как?

Я не расчёсывалась. Волосы высохли сами и теперь лежат неровными волнами.

– Как есть.

– Король любит беспорядок?

– Король любит видеть то, что выбирал.

От этой фразы внутри всё сжимается.

– Он видел нас до портала? – спрашиваю.

Ирса не отвечает сразу.

– Маги показывали ему изображение вашего мира.

– Он наблюдал за нами?

– Недолго.

Вспоминаю ощущение у окна. Чужой взгляд, от которого стянуло кожу между лопатками.

Я не придумала.

– Мерзость, – говорит Марина.

Ирса поворачивает голову.

– Оставь это слово для разговора с ним.

– Я могу подобрать другое.

– Не сомневаюсь.

Нас выводят во двор. Ночных гончих уже нет. На белом гравии остались широкие следы, будто кто-то провёл по земле граблями.

У ворот ждёт открытая повозка и шесть стражников. Ни сетей, ни крюков. Нам предлагают подняться самим. Я замечаю, что обожжённого воина среди них нет.

По дороге во дворец мы видим город.

Вчера он был шумом и запахом за пологом. Теперь Таврогард раскрывается улица за улицей.

Дома здесь строят низкими, широкими, с арками вместо обычных дверей. Первые этажи открыты на улицу. В кузницах кентавры работают у длинных печей, стоя боком к наковальням. В лавках ткани висят высоко, чтобы не путаться под копытами. У водяных желобов выстроились женщины с кувшинами; рядом дети толкаются и брызгаются, пока взрослые ругаются.

Обычная жизнь.

Это оскорбляет.

Город не должен быть обычным после того, как его воины разорвали мою гостиную и увезли нас. Здесь не должны печь хлеб, спорить о цене яблок и чинить крыши. Все должны знать, что происходит за стенами дома Ирсы, и остановиться.

Никто не останавливается.

Некоторые кланяются повозке. Некоторые глядят на нас.

– Они знают? – тихо спрашивает Кристина.

– Не все, – отвечает Ирса.

Она идёт рядом, не садясь в повозку.

– А те, кто кланяются?

– Кланяются королевской страже.

– Им всё равно, кого везут?

– Большинству людей важно, чтобы к вечеру на столе была еда.

Марина усмехается без веселья.

– Удобно.

Дорога поднимается. Мы проезжаем внутреннюю стену, затем ещё одну. У каждых ворот стража. В камне видны узкие бойницы, канавы для кипящей воды или масла, тяжёлые решётки, поднятые к своду.

Я считаю.

От дома Ирсы до дворца – ворота самого дома и первое городское кольцо. От дворца наружу – ещё три городских кольца: верхнее, среднее и нижнее. Пять рубежей, если не считать главной внешней стены.

Марина тоже считает. Я вижу по её губам.

Дворец стоит не на вершине холма, а будто вырастает из него. Нижние этажи сложены из того же чёрного камня, что городская стена. Верхние светлее, с красными крышами и открытыми галереями. Центральная башня выше остальных. На ней горит тот самый огонь, который я видела ночью.

Нас проводят через двор, где тренируются воины.

Десятки бычьих кентавров бьют копьями по подвешенным мешкам. Удары тяжёлые, синхронные. Земля отзывается через подошвы. Один мешок разрывается, высыпая серый песок.

Марина смотрит прямо перед собой.

Кристина – на свои руки.

Я смотрю на выходы.

Внутри дворца прохладно. Потолки высокие, колонны толстые, всё рассчитано на тела в несколько раз крупнее наших. По стенам висят щиты и старое оружие. Между ними – гобелены с битвами: рогатые воины гонят конные кланы, осаждают белый город, стоят по колено в нарисованной крови.

На одном полотне бычий король держит над головой человеческую корону.

Не нашу. Наверное.

Перед тронным залом Ирса останавливается.

– Говорите только за себя, – произносит она. – Не перебивайте друг друга. Не подходите к королю без разрешения.

– А если он подойдёт? – спрашиваю.

– Отойти не успеешь.

Двери открываются.

Вчера я видела зал с пола, сквозь сонное зелье. Сейчас он ещё больше. Свет падает из узких окон полосами, в них плавают пыль. Колонны уходят вверх и теряются в тени. Пол из чёрного камня отполирован до блеска.

Советников немного. Старый маг Сарвек стоит у стола с кварцевой пластиной. Рядом – кентавр с обломанным рогом. У стен стража.

На возвышении король Гормак.

Он не сидит.

Чёрное бычье тело массивное, с короткой блестящей шерстью. Передние ноги расставлены широко. На человеческой части нет доспеха, только тёмная перевязь и тяжёлая золотая цепь. Рога длиннее, чем у воинов, выгнуты вперёд. Один украшен тремя металлическими кольцами.

Я помню его лицо из портала. Тогда оно было далёким и неподвижным. Сейчас вижу шрам у подбородка, тёмные глаза, прядь волос, упавшую на лоб.

Он рассматривает нас без спешки.

Его взгляд задерживается на мне.

Я не опускаю глаза.

– Подойдите, – говорит он.

Перевод приходит почти мгновенно. Голос низкий, но не громкий. Зал всё равно слушает.

Мы идём до середины. Ирса остаётся позади.

– Назовите себя.

– Вы уже знаете, – отвечаю я.

У стены кто-то втягивает воздух.

Гормак поворачивает голову чуть набок.

– Хочу услышать.

– Настя.

– Полное имя.

– Этого достаточно.

Марина едва заметно касается моего локтя. Не чтобы остановить. Чтобы напомнить, что мы здесь втроём.

Кристина называет имя первой. Полностью, с отчеством и фамилией. Звуки чужого мира нелепо растягиваются под каменными сводами. Марина ограничивается именем. Я повторяю своё.

– Вы понимаете нашу речь? – спрашивает король.

– Ваши маги что-то сделали, – говорит Кристина. – Мы слышим перевод.

– Камень языка. Он растворён в воде, которую вам дали после перехода.

Я вспоминаю Элву и чашу.

– Значит, вы заранее знали, что мы будем сопротивляться и задавать вопросы, – говорю я.

– Я знал, что вы умеете говорить.

– Мы умеем ещё подавать заявления в полицию.

Марина закрывает глаза на секунду.

Король не понимает слова. Перевод, видимо, не находит соответствия.

– Что такое «полиция»?

– Люди, которые ищут похищенных и сажают похитителей в тюрьму.

– Тогда они опоздали.

По залу проходит тихий смешок. Гормак не улыбается.

Смешок обрывается.

– Верните нас, – говорю я. – Сейчас.

– Нет.

Он отвечает так же, как Ирса.

Может быть, она научилась у него.

– Зачем мы вам?

– Для продолжения моей крови.

Кристина смотрит на него непонимающе. Марина понимает первой.

– Что?

Гормак спускается с возвышения.

Железные накладки на копытах ударяют по камню. Четыре раза.

Точно так же, как в моём коротком воспоминании перед темнотой.

Он останавливается в нескольких шагах. Его человеческая часть выше меня даже без высоты бычьего тела. Я чувствую запах кожи, дыма и чего-то горького, похожего на можжевельник.

– Ваш мир лишён магии, – говорит он. – Но живуч. Многочислен. Закрыт для прямого завоевания, пока разломы нестабильны. Мои маги могут открыть дверь на несколько десятков ударов сердца, не больше. Армия не пройдёт.

– Какая трагедия, – говорит Марина.

– Поэтому пройдёт кровь.

Он не смотрит на неё. Всё ещё смотрит на меня.

– Дети, в которых соединятся моя кровь и кровь женщин вашего мира, будут принадлежать обоим мирам. Они смогут удерживать разлом дольше. Возможно – открывать его без наших камней.

Он произносит всё спокойно. Как хозяйственный план. Построить мост. Выкопать колодец. Похитить трёх женщин и заставить их родить.

У меня немеют пальцы.

– Вы сумасшедший, – говорит Кристина.

Гормак переводит взгляд на неё.

– Возможно.

Такого ответа она не ждёт.

– Мы не согласимся, – говорю я.

– Я ещё не предложил условия.

– Мне всё равно.

– Мне – нет.

Он проходит вдоль нас, двигаясь удивительно тихо для своей тяжести. Когда оказывается за спиной, я заставляю себя не поворачиваться сразу. Кожа чувствует его присутствие.

– Три лунных цикла вы проведёте во дворце как избранницы, – говорит он. – За это время каждая примет меня по установленным дням. Если моя кровь приживётся, вы останетесь под защитой дворца до рождения ребёнка. После родов разлом будет открыт, и вы вернётесь домой.

Кристина делает шаг назад.

– А дети?

– Останутся здесь.

Она зажимает рот ладонью.

– А если мы не забеременеем? – спрашивает Марина. Голос у неё ровный, опасный.

– Решение будет принято после трёх циклов.

– Какое решение?

– Это зависит от причин.

– То есть вы собираетесь нас насиловать.

Слово переводится.

Я вижу по лицам советников: все поняли.

Гормак останавливается.

– Нет.

Марина смеётся. Один короткий звук.

– Конечно.

– Вы дадите согласие.

– Никогда.

– Тогда останетесь в доме Ирсы.

– Навсегда?

– Пока не измените решение.

– Это и есть принуждение, – говорит Кристина. – Запереть нас, отнять возможность вернуться и ждать, пока мы сломаемся.

Гормак смотрит на неё внимательнее, будто до этого считал самой слабой.

– Я не скрываю цену.

– Вы называете ценой нашу жизнь.

– Я называю ценой дверь домой.

Мне хочется ударить его. Не потому, что это поможет. Тепло просто требует действия, любого. Я сжимаю кулаки, и порез на ладони снова открывается. Тонкая кровь выступает между пальцами.

Гормак замечает.

– Тебя ранили при переходе.

– Ваши люди.

– Ты напала на них.

– Они ворвались в мой дом.

– Да.

Он не оправдывается.

Это злит сильнее.

– Почему мы? – спрашиваю. – Почему не женщины вашего мира?

– Кровь нашего мира не создаст мост в ваш.

– Вы уже пробовали.

В зале становится тихо.

Сарвек опускает взгляд на кварц.

Гормак не двигается.

– Ирса сказала, что были другие.

– Были.

– Где они?

– Некоторые вернулись.

– Некоторые умерли?

– Да.

Кристина начинает дышать чаще. Марина берёт её за руку.

– От чего? – спрашиваю.

– Переход, болезни, неудачная беременность. Было и покушение: женщина выжила, ребёнок – нет.

– И вы продолжили.

– Я король.

– Это не ответ.

– Это единственный ответ, который имеет значение здесь.

Он подходит ближе.

Теперь между нами меньше расстояния вытянутой руки. Я вижу золотистые крапинки в его глазах. Шрам у подбородка уходит к шее. На цепи висит маленький чёрный камень, покрытый царапинами.

Мне страшно.

Не так, как в квартире, когда из портала вышло копыто. Там страх был быстрым, оглушающим. Этот медленный. Он проникает глубже, потому что передо мной не зверь, потерявший контроль. Гормак всё контролирует. Он знает, что делает, и считает себя правым.

– Слушай внимательно, Настя из мира без магии, – говорит он. – Я не прикажу взять тебя силой. Не сегодня, не через три дня. Ты будешь есть, спать и ходить по двору. Твои подруги останутся рядом. Когда ты согласишься, это будет произнесено твоим ртом.

– И дверь всё это время останется закрытой.

– Да.

– Тогда мой рот будет произносить одно и то же.

– Посмотрим.

Он поворачивается к Ирсе.

– Верни их в дом. Дай доступ к библиотеке нижнего двора.

Пусть узнают, где находятся.

– Государь, – говорит кентавр с обломанным рогом, – библиотека рядом с западной галереей.

– Я знаю, Варгат.

– Это риск.

– Они не умеют читать.

– Карты не требуют чтения.

Гормак смотрит на него.

– Тогда поставь больше стражи.

Варгат склоняет голову, но недоволен. Я запоминаю имя.

– Наши вещи, – говорит Кристина, пока нас ещё не увели.

– Телефоны. Верните хотя бы их.

Сарвек внезапно кашляет.

– Предметы повреждены переходом, государь. Один светится, но не отвечает на прикосновение. В другом треснуло стекло.

Мой телефон.

Треснуло стекло. Такое обычное несчастье, что на секунду я представляю сервисный центр возле работы. Парень в серой футболке спросит пароль. Я буду ждать на пластиковом стуле.

– Отдайте, – говорю.

– Нет, – отвечает Гормак. – Маги закончат изучение.

– Там фотографии.

Он не понимает.

– Изображения моей семьи. Моего дома.

Гормак молчит.

Потом говорит Сарвеку:

– Сделай копии того, что сумеешь. Предметы вернуть после осмотра.

Старый маг кивает.

Я не благодарю.

– А если мы попытаемся сбежать? – спрашивает Марина.

Уголок рта Гормака едва заметно дёргается.

– Попробуетесь.

– И?

– Вас вернут.

– Накажете?

– Если повредите моих людей – да.

– А если только ваше самолюбие?

– Оно переживало и худшее.

Первый живой ответ за всё время. Я почти ненавижу его за то, что он умеет говорить так, будто между нами возможен обычный разговор.

Ирса касается моей спины двумя пальцами.

– Идём.

Я отступаю.

Гормак смотрит вслед.

Перед дверями я всё—таки оборачиваюсь.

— Вы не получите того, чего хотите.

Советники ждут его реакции.

Он отвечает не сразу.

— Уже получил вас.

На обратном пути город кажется другим.

Не меньше, не страшнее. Закрытым.

Мы знаем условие. Знаем, что портал существует и что король не собирается открывать его из жалости, разумности или страха перед полицией, которая никогда сюда не доберётся.

В повозке Кристина держит руки между коленями и смотрит на них. Марина сидит, упершись ногами в противоположный борт, хотя на каждой кочке её подбрасывает.

— Три месяца, — говорит она.

— Три цикла, — поправляет Кристина.

— Какая разница?

— Я не знаю, сколько здесь длится цикл.

— Луна выглядела обычной.

— Ты видела луну?

— Нет. Но сейчас это не главное.

Они начинают спорить. Тихо, без злости, просто чтобы не молчать.

Я смотрю на Ирсу.

Она идёт рядом с повозкой, как утром. Белая коса кача-

ется в такт шагам. Лицо спокойное.

– Вы знали, – говорю.

– Да.

– И помогаете ему.

– Да.

– Почему?

– Это мой долг.

– Удобное слово.

– Иногда.

– Сколько женщин умерло?

Ирса долго не отвечает.

– Две.

– Из скольких?

– Пяти.

Кристина вскидывает голову.

– Пяти?

– За много лет.

– И трое вернулись? – спрашивает она.

– Одна вернулась. Две остались.

– Добровольно?

Ирса смотрит вперёд.

– К тому времени – да.

– К тому времени, – повторяю я.

Она больше ничего не говорит.

Когда мы возвращаемся, Лисса сидит у фонтана и плетёт венок из серебристых листьев. Увидев наши лица, она пря-

чет его за спину.

В комнате всё осталось как было. Три кровати. Три сливы на тарелке. Кувшин.

Марина снимает красное платье и бросает на пол.

Кристина садится у стены.

Я достаю металлическую скобу из рукава и кладу на стол.

– Сегодня ночью, – говорю.

Марина смотрит на неё.

В её лице впервые за утро появляется что-то похожее на жизнь.

– Я думала, ты забыла.

– Я всё считала.

– Пять ворот.

– До внешней стены.

Кристина поднимает голову.

– Вы серьёзно?

– Да.

– Мы не знаем города.

– Узнаем.

– Нас поймают.

– Возможно.

– Он сам сказал, что мы попытаемся.

– Значит, не разочаруем.

Марина берёт скобу.

– Служебная дверь. Потом держимся нижних улиц. Я видела на пути канал – вода шла к западной стене. Где вода

выходит, там может быть проход.

Кристина смотрит на нас так, словно мы уже оставили её одну.

– А портал?

– Сначала выберемся из дома, – говорю я. – Потом решим.

– Он во дворце.

– Во дворец сейчас не войти.

– А за городом степь.

– Всё лучше, чем ждать.

Она хочет возразить. Смотрит на зелёное платье, на мою ладонь, снова на нас.

– Я иду с вами.

Марина кивает, будто другого ответа не было.

За окном день ещё яркий. До третьего вечернего колокола много часов.

Мы садимся на пол и начинаем вспоминать дорогу.

Глава 6. Первый побег

План получается плохим.

Это ясно с самого начала, но хорошего плана у нас нет.

До вечера мы по очереди выходим во двор, просим воду, ищем уборную, делаем вид, что не замечаем стражу. Марина считает шаги от главного входа до кухни. Кристина разговаривает с Лиссой и узнаёт, что бельё вывозят через служебные ворота после второго вечернего колокола. Я сижу у фонтана и наблюдаю, как меняются караулы.

Восемь стражников днём. Шесть вечером. Двое у главных ворот, один на стене, двое возле хозяйственной части. Ещё один постоянно ходит вокруг здания.

После второго колокола во двор въезжает телега за грязным бельём.

После третьего выпускают гончих.

У нас есть меньше часа.

– В телеге, – говорит Марина, когда мы собираемся в умывальной, где вода заглушает голоса. – Корзины большие.

– Нас трое, – напоминает Кристина.

– Корзин пять.

– Водитель проверит.

– Значит, отвлечём.

Я разворачиваю украденную из кухни карту.

Картой это назвать трудно. Кусок грубой бумаги, на кото-

ром углём нарисованы улицы вокруг дома Ирсы. Повариха держала его на стене, чтобы отмечать лавки и склады. Я сняла, пока Лисса спорила с ней о разбитой миске.

– Здесь канал, – говорю. – Он идёт вниз, к западному рынку. Марина видела его с повозки. Если держаться вдоль воды, выйдем к стене.

– А ворота? – спрашивает Кристина.

– Хозяйственные. Через них вывозят навоз и мусор. Они не закрываются до ночи.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю.

Марина ухмыляется.

– Отличный план.

– Другого нет.

Кристина проводит пальцем по бумаге.

– Допустим, мы выберемся из города. Куда дальше?

– Подальше.

– Это не направление.

– Сначала запад. Вчера мы приехали с востока. Если они будут искать, решат, что мы пошли обратно к месту разлома.

– Разлом был во дворце, – говорит Кристина.

– Физически – да. Координаты нашего мира могут быть где угодно.

Я слышу, как нелепо это звучит. Мы обсуждаем магическую географию, не понимая ни магии, ни географии.

Марина открывает кран сильнее.

– В степи спрячемся до утра. Потом найдём дорогу, поселение, кого–нибудь, кто ненавидит Гормака.

– А если все его боятся?

– Тогда найдём тех, кто боится меньше.

Кристина закрывает лицо руками.

– Я не могу поверить, что мы это делаем.

– Не обязана верить, – говорю. – Надо идти.

До вечера время тянется медленно.

Нам приносят суп. Я ем всё, потому что не знаю, когда получится снова. Марина прячет за пояс два куска хлеба. Кристина берёт яблоки и небольшую флягу.

Мы переодеваемся в вчерашние штаны и рубашки. Платья оставляем на кроватях, набив под одеялами свёрнутую одежду. Издали будет похоже, что мы спим. Вблизи – нет.

Лисса приходит забрать посуду.

– Вы рано ложитесь? – спрашивает она.

– Устали, – отвечает Кристина.

Девочка смотрит на три бугра под одеялами. Потом на нас, стоящих перед ней.

– Но...

Марина забирает поднос из её рук и ставит в коридоре.

– Сегодня у тебя очень длинный день, Лисса. И ты ничего странного не видела.

– Я не понимаю.

– Поймёшь завтра.

Я жду, что девочка позовёт Ирсу. Она не зовёт.

Только шепчет:

– Гончие быстрые.

– Поэтому мы уйдём до них, – говорю я.

Она смотрит на меня. В тёмных глазах страх.

– За стеной тоже есть звери.

– Здесь есть король.

Лисса прижимает полотенце к груди.

– Он не всегда был таким.

– Каким?

Из кухни зовут её имя.

Она вздрагивает.

– Я не знаю.

И убегает.

Второй колокол ударяет, когда небо становится фиолетовым.

Мы уже в прачечной.

Внутри жарко, пахнет мылом и мокрой шерстью. Вдоль стен стоят медные чаны. Две работницы складывают бельё в корзины. Кристина отвлекает их просьбой найти мазь для руки. Говорит вежливо, жалобно, показывает сорванный ноготь. Одна уходит в кладовую. Вторая наклоняется к её пальцам.

Марина подаёт мне знак.

Мы забираемся в дальние корзины.

Я оказываюсь под влажными простынями. Ткань ложится на лицо, запах мыла режет нос. Слышу, как рядом шуршит

Марина. Кристина продолжает говорить, растягивая время.

– Болит здесь? – спрашивает прачка.

– И здесь. Особенно ночью.

– Надо было сразу сказать Элве.

– Я думала, пройдёт.

Телега въезжает во двор. Скрипят колёса.

Мужской голос ругается из-за опоздания.

Прачки начинают выносить корзины.

Мою поднимают двое. Дно прогибается. Я подтягиваю колени к груди и стараюсь не дышать. Корзину ставят на телегу с таким ударом, что зубы щёлкают.

Следом ещё одну. Потом Маринину.

Кристина всё ещё не здесь.

Я считаю удары сердца. Двадцать. Тридцать.

Телега качается.

Нет.

– Подождите! – кричит Кристина.

Шаги. Точнее, быстрый цокот и её лёгкий бег.

– Я уронила браслет возле корзин.

– Какой браслет? – раздражённо спрашивает возчик.

– Золотой. Король спросит.

Он перестаёт ругаться.

Корзины двигают. Крышку моей на секунду приподнимают. Между простынями появляется полоска вечернего света. Я замираю.

– Здесь нет.

– В другой.

Кристина ищет громко, долго. Потом слышится короткий стук.

– Нашла!

Она говорит это слишком близко.

Следующая корзина тяжелеет. Дерево скрипит. Кристина забралась.

Телега трогается.

Через несколько мгновений слышу, как открывают служебные ворота. Стражник спрашивает, почему вывоз поздний. Возчик отвечает, что прачки опять перепутали корзины. Кто-то смеётся.

Мы проезжаем.

Первый рубеж.

Под простынями душно. Телега трясёт на камнях. Вода из мокрой ткани стекает за ворот. Ногу сводит судорогой, но я не двигаюсь.

Возчик насвистывает.

Город шумит вокруг. Закрываются лавки, звенят цепи, кричат торговцы. Запахи меняются: хлеб, навоз, уголь, рыба, горячее масло.

Через некоторое время телега останавливается.

– Слезай, – говорит возчик кому-то.

Другой голос отвечает. Корзины начинают снимать.

Не сейчас.

По плану телега должна доехать до городской прачечной

у канала. Может, это она.

Мою корзину поднимают. Я жду удара о землю. Вместо этого её несут куда-то внутрь. Пахнет холодной водой и камнем.

Крышка открывается.

Передо мной лицо молодого конского кентавра. Светлые волосы, веснушки на носу. Он моргает.

Я тоже.

– Что...

Я бью его крышкой.

Он отшатывается. Я вылезаю, падаю на колени, вскакиваю.

– Сейчас! – кричу.

Марина вырывается из соседней корзины и толкает рабочего в чан. Вода выплёскивается на пол. Кристина выбирается последней, запутавшись в простыне.

Прачечная большая, почти пустая. У дальних ворот виден канал. Вода течёт между каменными берегами, тёмная, быстрая.

Мы бежим.

Кто-то кричит за спиной. Звенит колокол – маленький, ручной.

– Налево! – Марина первой выскакивает на улицу.

Вечерний рынок ещё не закрылся. Между лавками толпа. Это спасает и мешает одновременно. Кентавры занимают всю ширину улицы. Мы протискиваемся между телами,

получаем локтями, цепляемся за корзины. Люди ругаются, оборачиваются.

– Пленницы! – кричат сзади. – Остановить!

Слово летит по улице быстрее нас.

Я хватаю Кристину за руку. Марина впереди, её короткие волосы мелькают между спинами.

– К каналу!

Мы сворачиваем под навес, перепрыгиваем через ящики с рыбой. Торговец орёт. Кристина поскользывается на чешуе, я удерживаю её.

За нами грохочут копыта.

На открытой улице нас догонят за секунды. Поэтому мы ныряем туда, куда кентавры не смогут войти: в узкий проход между двумя домами.

Он рассчитан на людей с двумя ногами? Нет. Скорее на сток воды. Стены почти касаются плеч. Под ногами грязь. Но мы пролезаем.

Сзади раздаётся яростный голос.

– Обходи!

Марина смеётся на бегу.

– Преимущество анатомии!

В конце прохода деревянная решётка.

Заперта.

Марина дёргает.

– Скоба!

Я достаю металл из кармана. Руки дрожат. Замок простой,

но я никогда не вскрывала замков. Марина забирает, вставляет в щель.

– Держи дверь.

– Они обходят.

– Знаю.

Кристина оглядывается.

– Быстрее.

– Не помогает.

За решёткой виден канал и мост. По нему уже бегут стражники.

– Слишком поздно, – говорит Кристина.

– Нет.

Марина ковыряет замок. Скоба гнётся.

На другом конце прохода появляются тени.

Я беру с земли камень.

Первый стражник пытается протиснуться боком. Бычий. Слишком широк. Он не проходит, но тянется рукой.

Я бросаю камень. Попадаю в лоб.

– Опять она, – рычит он.

Тот самый, в кого я плюнула в квартире.

Теперь я вижу след ожога на его плече.

– Рада встрече.

Он пытается ухватить меня. Пальцы проходят в нескольких сантиметрах.

– Есть! – кричит Марина.

Замок падает.

Мы выскакиваем к каналу.

Стражники на мосту уже близко. Мы прыгаем вниз по скользкому откосу. Вода по колено, холодная до боли. Течение сбивает ноги.

– В трубу! – Марина указывает на арку в стене.

Канал уходит под улицу. Потолок низкий, но мы пройдем. Кентавры – нет.

Мы вбегаем в темноту.

Вода поднимается до бедра. Я касаюсь стены, чтобы не упасть. Камень покрыт слизью. Где-то впереди слабый свет.

Позади кричат. Кто-то спускается в канал.

Не бычий. Конский кентавр тоже не поместится в трубу, но может стрелять.

Стрела ударяет в стену рядом с головой. Искры.

– Пригнитесь!

Мы бежим согнувшись.

Труба длиннее, чем казалась. Воздух холодный, пахнет гнилью. Под водой плавают ветки, тряпки, что-то мягкое касается ноги. Я не смотрю.

Кристина тяжело дышит.

– Я не могу.

– Можешь, – говорю.

– Насть...

– Ещё немного.

Свет впереди растёт.

Мы выходим в другой квартал.

Здесь улицы ниже, дома беднее. Канал открыт. Над ним верёвочные мостики, по берегам стоят сараи. Людей мало.

Марина выбирается первой, тянет нас. Намокшая одежда отяжелела. Хлеб за её поясом превратился в кашу.

– Где запад? – спрашивает Кристина.

Мы смотрим на небо.

Солнце уже село. Красная полоса осталась с одной стороны.

– Там, – говорю я.

– Ты уверена?

– Нет.

Мы бежим по берегу.

Дважды сворачиваем, когда слышим копыта. Один раз прячемся под деревянным помостом, пока над нами проходят трое стражников. Грязная вода капает на волосы. Кристина дрожит так сильно, что доски тихо стучат.

Я держу ладонь на её руке.

Когда всё стихает, Марина выглядывает.

– Чисто.

Мы выбираемся.

Перед нами поднимается внутренняя стена.

Я видела её утром из повозки, но с земли она кажется выше. Ворота в конце улицы открыты. Через них идут телеги, гружённые бочками и мешками. Это ещё не внешняя стена. Только переход в нижний город.

У ворот проверяют грузы.

– Пройдём под телегой, – говорит Марина.

– Нас увидят, – шепчет Кристина.

– Тогда в мешках.

– Опять?

– У тебя есть лучше?

Я замечаю у стены группу рабочих. Они выгружают пустые корзины. На них одинаковые серые плащи с капюшонами.

– Одежда.

Мы подходим со стороны сараев. Один плащ висит на крюке, два лежат на тележке. Люди заняты спором с кладовщиком. Я беру первый. Марина – второй. Кристина тянется за третьим.

– Эй!

Нас заметил мальчишка с козыими ногами.

Кристина прикладывает палец к губам.

Он смотрит на неё.

Потом на стражу.

– Воры! – кричит.

Марина ругается.

Мы накидываем плащи и бежим к воротам. Толпа оборачивается. Стражники перекрывают проход копьями.

– Стойте!

Мы не стоим.

Перед воротами телега с бочками. Я цепляюсь за задний борт, подтягиваюсь. Кристина лезет следом. Марина запры-

гивает с другой стороны.

Возчик замечает нас.

– Слезайте!

– Езжай! – кричит Марина.

Он пытается остановить телегу, но животные, которые её тянут, пугаются крика. Это не лошади – шестиногие, лохматые, с широкими мордами. Они рвутся вперёд.

Стражники опускают решётку.

Телега проходит наполовину.

Потом решётка падает на первую бочку.

Дерево ломается. В воздух бьёт струя густой тёмной жидкости. Запах пива.

Телегу разворачивает. Я лечу на землю.

Удар выбивает воздух.

Вокруг копыта.

Я пытаюсь встать, но на спину давит древко копья. Не остриём. Просто прижимает.

Марину ловят двое. Она бьётся, кусается. Кристина сидит у разбитой бочки, мокрая от пива и канальной воды, и не сопротивляется.

– Не трогайте её! – кричу я.

– Поздно вспомнила, – отвечает знакомый голос.

Обожжённый воин подходит, прихрамывая. На лбу у него свежая царапина от моего камня.

– Ты очень упрямая мелкая.

– А ты медленный.

Он улыбается.

Потом берёт меня за ворот плаща и поднимает.

В этот раз я не плюю.

Не потому, что боюсь. Во рту сухо.

Нас возвращают не в дом Ирсы.

Сначала ведут в караульное помещение у ворот. Там тепло, тесно и пахнет мокрой кожей. Нас усаживают на скамью. Руки связывают спереди мягкими ремнями.

Кристина не смотрит на нас.

Марина дышит через нос. На локте содрана кожа.

– Мы дошли почти до нижнего города, – говорит она.

– Это не почти, – отвечает Кристина.

– Для первого раза неплохо.

– Первого?

Марина замолкает.

Ждём долго.

Стражники входят, выходят, обсуждают ущерб. Разбитая бочка, сорванный замок, травма прачечного рабочего, украденные плащи. Кто-то приносит список.

Я думаю о наказании.

Гормак сказал: если повредим его людей – накажет. Мы ударили рабочего крышкой, бросили камень в воина. Разбили бочку. Не знаю, что здесь считается наказанием. Плеть? Камера? Разлучение?

Последнее страшнее.

Дверь открывается.

Входит Варгат, воевода с обломанным рогом. За ним Ирса.

Она видит нас и закрывает глаза.

– Я предупреждала.

– Мы слышали, – говорит Марина.

– Плохо.

Варгат разворачивается так, чтобы рассмотреть всех троих.

– Кто придумал?

– Я, – отвечаем мы одновременно.

Он усмехается.

– Трогательно.

– Я, – повторяю. – Остальные пошли со мной.

– Ложь, – говорит Марина. – План мой.

Кристина молчит.

Варгат замечает.

– А ты?

Она поднимает голову.

– Я тоже пошла.

– Почему?

– Потому что они мои подруги.

– Это не причина идти на смерть.

– Для вас, возможно.

Он смотрит ещё секунду, потом обращается к Ирсе:

– Король приказал вернуть их в дом.

– И всё?

– Удвоить стражу. Запереть хозяйственную дверь. Убытки записать на дворец.

Марина моргает.

– Никаких плетей?

Варгат наклоняется к ней.

– Разочарована?

– Удивлена.

– Не путай милость с уважением. Вы ценны, пока целы.

Вот оно.

Не милость. Сохранность товара.

Ирса развязывает наши руки сама.

– Рабочий жив? – спрашиваю.

– Синяк и разбитый нос, – отвечает она.

– Я не хотела...

– Ты хотела выбраться.

– Да.

– Тогда не делай вид, будто последствия не связаны с твоим решением.

Её слова цепляют.

Я встаю.

– А что нам оставалось?

– Остаться.

– И согласиться?

– Это два разных действия.

– Для короля – нет.

Ирса смотрит на меня устало.

– Пойдёмте.

На улице уже ночь.

Нас везут в закрытой повозке. По бокам восемь стражников. Внутри горит маленький фонарь. Кристина сидит в углу, обхватив себя руками.

– Прости, – говорит Марина.

Кристина не отвечает.

– Я не должна была говорить про первый раз.

– Дело не в этом.

– А в чём?

– Я правда думала, что получится.

Марина садится рядом.

– Я тоже.

– Нет. Ты всё время понимала, что нас поймают. Тебе было важно попробовать.

– А тебе нет?

Кристина смотрит на неё.

– Мне важно выжить.

– Нам всем.

– Нет, Марин. Тебе важно не подчиниться. Насте важно доказать, что он не решает за неё. А мне важно остаться живой.

– Ты думаешь, мы этого не хотим?

– Я думаю, вы можете погибнуть, лишь бы не признать, что выхода нет.

Повозка качается.

Я хочу возразить. Слова уже готовы: выход есть всегда, мы прошли половину города, теперь знаем больше. Но Кристина сидит мокрая, грязная, с побелевшими губами. Её сорванный ноготь снова кровит.

Я не говорю.

Когда ворота дома Ирсы закрываются за нами, гончих держат на цепях.

Они рвутся, почуяв запах канала. Одна почти достаёт меня лапой. Стражник оттаскивает её.

В комнате убрали наши муляжи с кроватей. На столе новая еда, уже холодная.

Лисса ждёт у двери.

– Я говорила, – шепчет она.

– Говорила, – отвечаю.

Она смотрит на мою грязную одежду.

– За стеной хуже.

– Мы не дошли за стену.

– Это тоже.

Ирса входит следом.

– Мыться. Потом Элва осмотрит вас.

– А после? – спрашивает Марина.

– Спать.

– А завтра?

– Проснётесь.

– И всё?

Ирса снимает со стены маленький ключ и запирает дверь

изнутри. Потом кладёт ключ на стол перед нами.

– Дверь будет закрыта снаружи.

– Король боится, что мы опять уйдём? – спрашиваю.

– Король знает, что уйдёте, если сможете.

– Он не наказал нас.

– Это и тревожит тебя?

– Да.

Ирса смотрит на грязный пол, на наши ноги, на кровь на рукаве Марины.

– Он дорожит тем, что считает своим.

– Мы не его.

– Скажи ему ещё раз.

Она уходит и закрывает дверь.

Щёлкает замок.

Кристина подходит к окну. На ставнях теперь железная перекладина.

Марина пробует ключ со стола. Он подходит только к сундуку.

Мы сидим на полу, не раздеваясь.

Через стену слышно, как стражники устанавливают у двери скамью. Кто-то ставит копьё в угол. Потом голоса стихают.

– Мы прошли две стены, – говорит Марина.

– Одну, – поправляю я.

– Ворота дома и внутреннюю стену.

– До внешней ещё три рубежа.

– Теперь знаем.

Кристина медленно поворачивается.

– Вы уже думаете о следующем разе.

Никто не отвечает.

Она ложится на кровать лицом к стене.

До утра мы больше не разговариваем.

Глава 7. Стены без выхода

Следующие три дня нас не выпускают во двор.

Еду приносят стражники. Воду тоже. Элва приходит утром и вечером, меняет повязку на Маринином локте, осматривает Кристинину руку. Со мной почти не разговаривает.

Ирса появляется один раз.

– Библиотека отменяется? – спрашиваю.

– Временно.

– Король боится карт?

– Варгат боится.

– А король?

– Король занят.

Марина сидит на подоконнике, ковыряет деревянную раму.

– Мы можем получить иглу?

– Нет.

– Ножницы?

– Нет.

– Ложку?

– Деревянную.

– Верёвку?

Ирса смотрит на неё.

– Особенно нет.

Кристина не участвует. Она стала тихой после побега. Ест, когда приносят еду. Спит днём. Ночью лежит с открытыми глазами.

На четвёртое утро дверь открывают.

За ней вместо двух стражников стоят четверо.

– Прогулка, – говорит Ирса.

Двор изменился мало. Белый гравий разровняли. Служебную дверь укрепили железной полосой. У главных ворот поставили дополнительную решётку. На стене теперь двое лучников.

Лисса машет нам из кухни, но не подходит.

Мы ходим по кругу.

Три женщины в маленьком дворе. Шесть стражников следят, чтобы мы не приблизились к воротам. Ночные гончие спят в клетках под навесом. Одна дёргает лапой во сне.

Марина считает шаги.

Привычка.

– Хватит, – говорит Кристина.

– Что?

– Считать.

– Я просто иду.

– Ты считаешь.

Марина останавливается.

– Тебе мешает?

– Да.

– Почему?

– Потому что потом ты скажешь, что до стены девяносто семь шагов, у стражника слева слабая нога, а замок можно открыть косточкой от рыбы. И мы опять полезем.

– Не косточкой.

– Марина.

– Хорошо.

Она идёт дальше, не считая вслух.

Я смотрю на стену. Камень гладкий до высоты двух метров, выше есть щели. Если сделать крюк, если найти верёвку...

Перестаю.

Кристина замечает.

– Ты тоже.

– Что?

– Считаешь.

Мы возвращаемся в комнату раньше.

В тот же день Ирса приносит книги.

Шесть тяжёлых томов и свёрнутую карту.

– Варгат согласился? – спрашиваю.

– Король приказал.

– Почему?

– Он хочет, чтобы вы поняли.

– Что?

Ирса раскладывает карту на столе.

Материк нарисован на выделанной коже. Берега неровные, горы обозначены зубцами, реки – синими линиями.

Таврогард отмечен чёрной башней почти в центре огромной жёлтой равнины.

– Где мы? – спрашивает Марина.

Ирса касается башни.

– Здесь.

– А граница города?

Она показывает маленький круг вокруг знака.

Кристина наклоняется.

– Это всё степь?

– До соляных гор на востоке – двенадцать дней быстрого хода. До лесов на севере – восемь. Ближайший свободный город на юге – девять дней, если знать колодцы.

– А на западе?

– Кочевые земли. Пять дней до первых постоянных стоянок.

– Пешком? – спрашиваю.

Ирса смотрит на наши ноги.

– Для вас – больше.

Марина проводит пальцем по карте.

– Дороги.

– На дорогах патрули.

– Реки.

– В сухой сезон многие пересыхают.

– Деревни.

– Подчиняются Таврогарду.

Кристина садится.

– Даже если бы мы вышли за стену...

– Вы не знаете, где вода, – говорит Ирса. – Не умеете различать съедобные растения. Ночью в степи выходят рваные кошки. Они прыгают дальше, чем вы бегаєте. Есть песчаные черви, болотные ямы, кланы, которые не признают закон города.

– Звучит как рекламная брошюра, – говорит Марина.

– Я не уговариваю вас остаться. Я описываю местность.

– Это одно и то же.

Ирса пожимает плечами.

Я рассматриваю карту.

Наш мир нигде не отмечен. Нет точки, линии, условного знака. Он существует за пределами кожи, за пределами северных лесов и соляных гор. Добраться пешком невозможно, потому что идти некуда.

– Портал, – говорю. – Покажите, где он.

Ирса касается центральной башни дворца.

– Зал разломов.

– Войти можно?

– С королевским знаком или по приказу мага.

– Сколько магов умеют открывать дверь?

– Полностью – двое. Сарвек и король.

– Король маг?

– В его крови есть сила бычьего рода. Он удерживает края разлома. Сарвек находит путь.

– А другие?

– Помогают.

– Можно заставить Сарвека.

Ирса смотрит на меня так, будто я предложила заставить гору.

– Старик служит роду Гормака пятьдесят лет.

– У всех есть слабость.

– У него – вера.

– Это слабость.

– Иногда.

Марина поднимает один из томов. На обложке выдавлен тот же знак круга с тремя линиями, который был над домом.

– Что это?

– Хроника разломов.

– Мы не умеем читать.

– Камень языка поможет сопоставить знаки со звуками, если кто-то прочтёт вслух. Письменность придётся учить.

– Сколько времени?

– Дети начинают узнавать знаки за несколько месяцев.

– У нас нет нескольких месяцев, – говорит Кристина.

Все смотрят на неё.

Она понимает, что произнесла, и отводит глаза.

– В смысле, мы не собираемся оставаться.

Ирса прижимает край карты, чтобы он не загибался.

– Карта останется. Книги тоже.

– Зачем? – спрашиваю.

– Король велел дать вам занятие.

– Как мышам в клетке колесо?

– Мыши не читают.

– В вашем мире, возможно.

Ирса уходит.

Мы долго сидим над картой.

Марина ищет слабые места. Кристина – поселения. Я пытаюсь понять масштаб.

Таврогард окружён не только стенами. Вокруг – расстояние, незнание и чужая природа. Даже если мы окажемся за воротами с запасом воды и еды, идти придётся днями. Нас догонят кентавры, способные скакать с лошадиной скоростью. Мы не спрячемся в степи, где трава по колено.

– Нужен портал, – говорю.

– Я с самого начала это говорила, – отвечает Кристина.

– До зала разломов пять ворот и дворец.

– Значит, надо договориться.

Марина резко поднимает голову.

– О чём?

– Не о его условии.

– А о чём ещё?

– Можно предложить знания. Лекарства. Устройство электричества. Что-нибудь.

– Ты умеешь строить электростанцию?

– Нет.

– Я тоже. Настя умеет делать таблицы.

– Спасибо.

– Мы ничего им не дадим, чего они не смогут получить, похищая других.

Кристина закрывает карту ладонью.

– Тогда что ты предлагаешь?

– Продолжать искать.

– Где? Под кроватью?

– Хотя бы не сдаваться.

– Я не сдаюсь. Я думаю.

– Очень похоже.

– Хватит, – говорю я.

Марина встаёт и уходит в умывальную. Дверь за ней захлопывается сильнее, чем нужно.

Кристина остаётся у стола.

– Она думает, я слабая.

– Нет.

– Думает.

– Она злится.

– На меня удобно злиться.

Я сворачиваю карту.

– Ты хочешь согласиться?

Кристина долго молчит.

За окном Лисса смеётся с кем-то. Обычный звук. На кухне стучат ножом по доске.

– Я хочу домой, – говорит она.

– Мы все.

– Нет. Я хочу домой больше, чем хочу остаться собой.

Эти слова пугают меня.

– Ты не знаешь, что говоришь.

– Знаю.

– Он хочет ребёнка.

– Я слышала.

– От него.

– Я видела его.

– Крис.

Она смотрит на меня.

– А что будет, если мы год будем сидеть в этой комнате?

Два? Пять? Ты думаешь, он передумает? Или откроется случайный портал в нашу ванную?

– Мы найдём способ.

– Это не способ. Это фраза.

Я вспоминаю, как сама говорила её в квартире. Мы выберемся. Ложь крепла с каждым повтором, пока не стала чем-то вроде стены.

Теперь и она трескается.

– Ты правда готова? – спрашиваю.

Кристина качает головой.

– Нет. Но готовность, кажется, никого здесь не интересует.

– Меня интересует.

Она улыбается. Плохо, устало.

– Тогда найди выход.

Вечером приходит посыльный из дворца.

Молодой бычий кентавр в сером плаще приносит три ма-

ленькие коробки. В каждой – наш телефон.

Мой экран разбит в углу, но загорается. Батарея показывает девять процентов. Сети нет. Дата стоит прежняя. Время – четыре утра, хотя здесь вечер.

– Он сломан? – спрашивает посыльный.

– Часы отстали на несколько дней.

– В кварцевом хранилище такие вещи спят, – говорит он после паузы. – Сарвек велел держать их между двумя глушащими пластинами. Там не идут песочные часы и не тухнет масло. Видимо, ваш предмет тоже не считал время.

Объяснение звучит как магия, потому что и есть магия. По крайней мере, теперь четыре утра не притворяются обычной поломкой.

Я провожу пальцем. Телефон открывается.

Фотографии на месте.

Мама у дачного забора в старой куртке. Марина с бумажной короной на дне рождения. Кристина на море, щурится от солнца. Моя кухня. Кружка с лисой до того, как разбилась.

Я сажусь на кровать.

Кристина пытается включить свой. Экран мерцает, потом гаснет. Маринин работает, но сенсор не отвечает.

– Зарядить можно? – спрашивает Марина посыльного.

Он не понимает.

Я показываю провод, который лежит в коробке.

– Нужна сила. Электричество.

– Маги пробовали вливать силу, – говорит он. – Предмет

задымился.

Кристина прижимает телефон к груди.

– Не трогайте больше.

Посыльный кланяется и уходит.

Мы экономим батарею. По очереди смотрим фотографии, видео без звука, старые сообщения. Связи нет, но в телефоне остаётся кусок нашего мира. Он умещается в ладони и медленно умирает.

На восьми процентах я выключаю экран.

Ночью Марина говорит:

– Можно разобрать батарею. Может, маги поймут устройство.

– И испортят окончательно, – отвечает Кристина.

– Без зарядки всё равно умрёт.

– Не трогай мой.

– Я сказала про свой.

– Всё равно.

Опять молчание.

На следующий день нас ведут на крышу дома.

Ирса не объясняет зачем. Стража окружает нас. Мы поднимаемся по пологому пандусу и выходим на плоскую площадку.

Отсюда виден весь город.

Чёрные стены образуют несколько колец. Внутри тесно стоят крыши, башни, дымные трубы. За внешней стеной – степь. Она тянется до горизонта во все стороны, жёлтая и

пустая.

Ни леса рядом. Ни гор. Ни синей полосы реки.

Только дорога, уходящая на восток, и несколько караванов, похожих на насекомых.

Ветер бьёт в лицо.

– Он велел показать? – спрашиваю Ирсу.

– Да.

– Чтобы мы поняли?

– Да.

Марина подходит к краю, пока стражник не перекрывает ей путь.

– Ворота там, – говорит она. – Мы были близко.

С высоты видно: не близко.

Нижний город, куда мы пытались попасть, занимает ещё несколько кварталов. За ним складской пояс. Потом внешняя стена, широкая настолько, что по ней разъезжаются две повозки. За стеной – ров.

Кристина тихо смеётся.

– Что? – спрашивает Марина.

– Ничего.

– Крис.

– Мы думали, что почти вышли.

Марина смотрит на ворота.

– В следующий раз знали бы дорогу.

– Нет следующего раза.

– Ты не решаешь за нас.

– И ты не решаешь за меня.

Ветер подхватывает край её накидки. Кристина удерживает ткань и отходит от края.

Я остаюсь.

Далеко на юге в степи движется пыль. Может, стадо. Может, отряд. Я пытаюсь представить, как мы идём туда пешком. Без тени, без воды. За нами выезжают воины.

Невозможно.

Слово появляется само.

Я ненавижу его.

– Гормак ждёт, что мы сами придём? – спрашиваю.

Ирса стоит рядом.

– Да.

– Он уверен?

– Он редко сомневается.

– А вы?

Она смотрит на степь.

– Я сомневаюсь достаточно за многих.

– Но служите.

– Сомнение не всегда меняет путь.

– Тогда зачем оно?

Ирса поправляет белую косу.

– Чтобы однажды понять, где свернул не туда.

Она уходит первой.

Вечером Кристина просит отдельную комнату.

– Зачем? – спрашивает Марина.

– Хочу побыть одна.

– Мы и так почти не разговариваем.

– Вот именно.

Ирса выполняет просьбу. Рядом освобождают маленькую комнату. Кристина переносит туда одежду, телефон и одну книгу, которую не умеет читать.

Перед тем как уйти, она останавливается у двери.

– Я не предаю вас.

– Никто не говорил, – отвечаю.

Марина смотрит в окно.

– Но подумали.

– Крис...

– Мне нужно дышать без вашего плана в комнате.

Она закрывает дверь.

Марина ложится на кровать Кристины.

– Она согласится.

– Не сейчас.

– Потом.

– Возможно.

– И что мы будем делать?

Я смотрю на тёмный экран телефона.

– Не знаю.

Это первый честный ответ за всё время.

Глава 8. Разговор с матроной

Ирса зовёт меня к себе на шестой день после первого побега.

Служанка приходит после завтрака и говорит, что матрона ждёт в нижней галерее. Марина сразу встаёт.

– Я тоже иду.

– Только Настя, – отвечает служанка.

– Почему?

– Не знаю.

– Тогда узнай.

– Марин, останься, – говорю я.

Она смотрит на меня.

– Если через час не вернёшься, я...

– Что?

Мы обе понимаем, что вариантов мало. Разбить кувшин? Ударить стражника деревянной ложкой?

– Подниму шум.

– Договорились.

Кристина не выходит из своей комнаты. Дверь закрыта.

Я иду за служанкой.

Нижняя галерея находится в части дома, куда нас раньше не пускали. Там прохладнее, стены без росписи. Окна выходят не во двор, а на узкую улицу между домом и внутренней стеной. По ней возят бочки, проходят слуги, иногда стража.

Кабинет Ирсы широк, потому что ей нужно место развернуться. У одной стены стоят полки с книгами, у другой – сундуки. На столе бумаги, песочница для чернил, три деревянные фигурки. Две лошадиные, одна человеческая.

Ирса читает письмо.

– Садись.

– Я постою.

– Как хочешь.

Она заканчивает строку, сыпает чернила песком и сворачивает бумагу.

– Ты хотела ответы.

– Вы решили дать?

– Некоторые.

– Почему мне?

– Потому что Марина превратит разговор в бой, а Кристина услышит только ту часть, которая ведёт домой.

– А я?

– Ты услышишь всё и выберешь, чему не верить.

Я сажусь.

Стул высокий. Ноги не достают до пола, как у ребёнка. Я ставлю их на перекладину.

– Начинайте.

Ирса открывает небольшой шкаф, достаёт банку с сушёными листьями.

– Чай?

– Нет.

Она заваривает себе.

Несколько минут слышно только воду. Этот обычный ритуал раздражает. Мы заперты почти неделю, Кристина отделилась, Марина готова грызть стены, а Ирса выбирает ли-
стья.

– Король не станет ждать вечно, – говорит она наконец.

– Он обещал.

– Он сказал, что не возьмёт силой. Это не значит, что условия останутся прежними.

– Что изменится?

– Дом. Еда. Свобода передвижения. Возможность оста-
ваться вместе.

Я сжимаю пальцы на краю стула.

– Это угроза?

– Предупреждение.

– От него?

– От меня.

– Какая разница?

Ирса подносит чашу к губам.

– Большая. Гормак считает, что терпение доказывает его справедливость. Варгат считает, что ваше сопротивление унижает корону. Совет видит расходы и риск. Каждый день меняет равновесие.

– А вы что считаете?

– Что голодные и испуганные женщины принимают пло-
хие решения.

– Поэтому советуете согласиться до того, как нас начнут морить голодом?

– Вас не будут морить голодом.

– Просто дадут хуже еду?

– Возможно.

– Разделят?

– Возможно.

Я встаю.

– Тогда разговор окончен.

– Сядь, Настя.

– Вы вызвали меня, чтобы объяснить, как удобнее сломаться.

– Я вызвала, чтобы объяснить, как выживают при дворе.

– Мы не хотим жить при дворе.

– Двор не спрашивает, чего хотят те, кого втягивает.

Я остаюсь стоять.

Ирса отпивает чай.

– Ты думаешь, сопротивление всегда выглядит как побег, – говорит она. – Так обычно думают молодые.

– А старая?

– Иногда сопротивление – дожить до дня, когда противник ошибётся.

– Для этого надо лечь с ним в постель?

– Иногда надо улыбнуться тому, кого ненавидишь. Иногда – принять его подарок. Иногда – позволить думать, что он победил.

– И где заканчивается притворство?

– У каждого в своём месте.

Я смотрю на фигурки на столе. Две лошадиные стоят рядом. Человеческая лежит на боку.

– Вы так делали?

Ирса медленно ставит чашу.

– Я родилась в северном городе, который отец Гормака осаждал два года. Когда стены пали, мне было семнадцать. Меня привезли в Таврогард как заложницу.

Я снова сажусь.

– Вы были пленницей?

– Формально – гостьей короны.

– Очень знакомая формулировка.

– У старого короля их было много.

– И что он хотел от вас?

– Послушания моего клана. Брак с его воеводой. Детей правильной крови.

– Вы согласились?

Ирса смотрит в окно.

– Я пережила старого короля, воеводу и войну, из-за которой меня привезли. Этого ответа достаточно.

– Нет.

– Другого не будет.

В её голосе впервые появляется жёсткость. Я отступаю.

– Почему вы остались?

– Возвращаться было некуда. Северный город сожгли.

Моя семья погибла. Здесь были люди, за которых я отвечала.

– Другие пленницы?

– Сначала.

– А теперь вы отвечаете за нас.

– Да.

– Помогая Гормаку.

– Да.

Она не оправдывается. Как король.

– Вы ненавидите его?

– Это не имеет значения.

– Для меня имеет.

Ирса долго смотрит на меня. Затем отодвигает бумаги и кладёт ладони на стол.

– Гормак не похож на отца. Это не похвала. Старый король брал всё, что хотел, и называл это правом победителя. Гормак строит правила, предлагает выбор, ждёт произнесённого согласия. Ему важно считать себя лучше.

– Но выбор ложный.

– Да.

Слово звучит тихо.

Я не ожидала.

– Вы понимаете.

– Я не слепа.

– Тогда помогите нам открыть портал.

– Не могу.

– Не хотите.

– И это тоже.

– Почему?

– Разлом может разорвать город, если открыть его без подготовки. Сарвек и Гормак удерживают его вместе. Даже если бы я достала ключи от зала, что дальше? Ты знаешь координаты своего мира? Ритуал? Цену?

– Научусь.

– По книгам за несколько недель?

– Если понадобится.

Ирса качает головой.

– Упрямство полезно, пока не выдаёт себя за знание.

– Тогда найдите того, кто умеет.

– Зачем ему рисковать всем ради вас?

– Потому что это неправильно.

Ирса улыбается без радости.

– В Таврогарде много неправильного. Люди выбирают то, с чем могут жить.

– Вы можете жить с нами?

– Пока вы живы – да.

– А если одна из нас умрёт, как те две?

Она отворачивается к окну.

Ответ есть в движении, хотя слов нет.

Я вспоминаю Элву: «Я вас лечу». Каждый здесь делит свою роль на маленькие части. Воины только исполняют приказ. Травница только лечит. Ирса только сохраняет нас живыми. Король только думает о будущем мира.

Так легче не видеть целое.

– Кто не согласен с ним? – спрашиваю.

Ирса поворачивается слишком быстро.

– С чего ты решила, что такие есть?

– Вы сказали: люди выбирают, с чем могут жить. Значит, есть те, кто не может.

– Это рассуждение.

– И?

– Опасное.

– Для кого?

Она подходит к двери, проверяет коридор и закрывает створку.

– В городе есть купцы, которым не нужны новые войны. Есть старые кланы, считающие разломы оскорблением богов. Есть маги, которые боятся, что следующий переход разрушит ткань между мирами. Есть те, кто ненавидит бычий род по причинам старше нас обеих.

– Они могут помочь.

– Они могут использовать вас против короля, а потом продать дороже.

– Кто именно?

– Я не назову имён.

– Тогда зачем сказали?

– Чтобы ты перестала думать, будто за воротами ждут друзья.

– Но не все согласны.

– Не все.

Первый настоящий просвет за неделю. Узкий, почти бесполезный, но я цепляюсь.

– А Сарвек?

– Верен королю.

– Варгат?

– Верен порядку. Это хуже.

– Лисса?

Ирса смотрит на меня.

– Ребёнок.

– Она сказала, что Гормак не всегда был таким.

– Дети повторяют услышанное.

– От кого?

– Настя.

Я замолкаю.

Она возвращается к столу.

– Кристина попросила аудиенцию.

В груди становится пусто.

– Когда?

– Вчера вечером через служанку.

– Зачем?

– Спросить об условиях отдельно.

– И вы позволили?

– Я не решаю, кому говорить с королём.

– Она уже была у него?

– Нет. Завтра.

Я встаю так резко, что стул падает.

– Почему не сказали?

– Это её решение.

– Мы должны поговорить.

– Поговори.

Я иду к двери.

– Настя.

Останавливаюсь.

Ирса поднимает человеческую фигурку со стола и ставит её вертикально.

– Если Кристина выберет покорность, не делай её врагом сразу. Люди выживают по-разному.

– Вы хотите, чтобы я одобрила?

– Нет. Хочу, чтобы ты понимала цену одиночества здесь.

– А привилегии? Вы говорили, покорность даст защиту.

– Даст.

– Какую?

– От Варгата. От двора. От тех, кто увидит в вас редкость и захочет прикоснуться. От переселения в общие казармы. От тяжёлой работы. От голода, если урожай снова погибнет. Королевская избранница неприкосновенна для всех, кроме короля.

Последние слова звучат хуже угрозы.

– Вы это называете защитой.

– Здесь – да.

– И что получаете вы, если мы согласимся?

– Меньше бессонных ночей.

Я открываю дверь.

– Ещё одно, – говорит Ирса.

Я оборачиваюсь.

– Гормак приказал не принуждать вас силой. Варгат подчиняется приказу. Но приказ держится на воле одного человека. Не испытывай границы там, где за ними стоят те, кто хуже него.

– Вы пытаетесь сделать его хорошим на фоне остальных?

– Я пытаюсь сделать тебя осторожной.

Коридор кажется холоднее, чем раньше.

Марина ждёт возле нашей двери. Увидев меня, идёт навстречу.

– Что она хотела?

– Где Кристина?

– У себя.

Я открываю соседнюю комнату без стука.

Кристина сидит на кровати и расчёсывает волосы. Перед ней маленькое зеркало, которое принесла служанка. На столе лежит синее платье, которое она надевала на аудиенцию, – разглаженное и чистое.

Марина входит следом.

– Что это? – спрашивает она.

Кристина кладёт расчёску.

– Я хотела сказать.

– Когда? После?

– После чего? Я попросила поговорить.

– С ним.

– Да.

– Зачем?

Кристина смотрит на меня, а не на Марину.

– Я хочу узнать, может ли согласиться одна из нас. И вернёт ли он остальных.

– Он не вернёт, – говорю.

– Ты не спрашивала.

– Он хочет ребёнка от каждой.

– Он сказал «каждая», но условия можно менять.

Марина смеётся.

– Ты собираешься торговаться?

– Да.

– Чем?

– Собой.

Тишина.

За стеной кто-то проходит с ведром. Вода плещется.

– Нет, – говорю я.

Кристина встаёт.

– Ты не решаешь.

– Я не позволю.

– Как? Запрёшь меня?

Слова попадают в цель.

– Крис, ты напугана.

– Конечно.

- Поэтому не надо делать ничего сейчас.
- Мы уже шесть дней ничего не делаем.
- Мы бежали.
- И нас поймали.
- Попробуем иначе.
- Ты говоришь это, но у тебя нет «иначе».

Марина подходит ближе.

– У нас есть информация. Есть люди, которые не согласны с королём.

Я смотрю на неё. Не успела рассказать.

- Какие люди? – спрашивает Кристина.
- Ирса сказала, – отвечаю. – Купцы, кланы, маги.
- Имена?
- Не дала.
- Помощь?
- Нет.

– Тогда это слухи.

– Это возможность.

Кристина берёт синее платье.

– Я не согласилась. Я иду говорить.

– В этом платье?

Она смотрит на ткань в руках.

– Там принято так.

Марина отворачивается.

Я подхожу к Кристине.

– Пообещай, что ничего не решишь без нас.

– Почему я должна решать за вас?

– За себя.

– Это и собираюсь.

– Пообещай хотя бы не соглашаться завтра.

Она молчит.

– Крис.

– Я выслушаю.

– Пообещай.

– Нет.

Марина выходит из комнаты. Дверь остаётся открытой.

Кристина садится и снова берёт расчёску. Руки у неё дрожат.

Я хочу обнять её. Хочу вырвать платье и бросить в огонь. Хочу сказать, что понимаю, хотя не понимаю.

Вместо этого поднимаю расчёску, упавшую на пол.

Один зубец сломан.

– Ты помнишь, как мы ехали на море? – спрашивает Кристина.

– Что?

– Автобус сломался посреди трассы. Марина решила идти пешком до заправки, хотя было тридцать километров.

– Помню.

– А ты пошла с ней.

– Через пять минут нас подобрала машина.

– Я осталась возле автобуса.

– Ты была права.

– Но вы потом полгода шутили, что я всегда остаюсь там, где безопасно.

– Это была шутка.

– Шутки прилипают.

Она проводит расчёской по волосам.

– Я всегда выбираю место, где можно переждать. Работу, отношения, квартиру. Даже повышение не взяла бы, если бы мы вернулись. Потому что там риск. А теперь безопасного места нет. Есть только менее опасное.

– Рядом с ним не безопасно.

– Возможно. Но рядом с королём хотя бы никто другой не тронет.

Слова Ирсы.

Королевская избранница неприкосновенна для всех, кроме короля.

– Она уже говорила с тобой, – понимаю я.

Кристина не отвечает.

– Когда?

– Утром, пока вы были во дворе.

– Что сказала?

– То же, что тебе, наверное.

– Она подталкивает нас.

– Она объясняет.

– Это одно и то же.

Кристина устало улыбается.

– Ты звучишь как Марина.

– А ты – как Ирса.

Это больно. Я вижу.

– Прости.

– Нормально.

Она всегда говорит «нормально», когда всё плохо.

Я кладу расчёску на стол.

– Я не буду тебя ненавидеть.

– Даже если соглашусь?

Ответ должен быть быстрым.

Он не приходит.

Кристина кивает, будто я уже ответила.

– Вот видишь.

Я выхожу.

Марина сидит у фонтана под охраной двух стражников. В руках у неё кусок хлеба. Она крошит его в воду, хотя рыб в фонтане нет.

Я сажусь рядом.

– Она пойдёт.

– Знаю.

– Мы не можем остановить.

– Можем связать её верёвкой, которой у нас нет.

– Марин.

– Что?

– Не делай хуже.

Она бросает последнюю крошку.

– Хуже уже придумал Гормак.

Вечером Ирса приносит три лампы и оставляет одну в комнате Кристины.

Перед уходом задерживается у двери.

– Аудиенция назначена после полудня.

– Вы довольны? – спрашивает Марина.

– Нет.

– Но это ваша работа.

– Да.

– Вы всё время отвечаете «да», как будто честность что-то исправляет.

Ирса смотрит на неё.

– Нет.

И уходит.

Ночью я лежу на кровати Кристины. Она вернулась к нам, но спит отдельно у окна. Марина на своей стороне, лицом к стене.

Лампа горит низко. На столе разложена карта материка. Я вижу чёрную башню Таврогарда и огромное пустое пространство вокруг.

До рассвета Кристина несколько раз просыпается.

Каждый раз проверяет, рядом ли синее платье.

На третий раз я говорю:

– Я пойду с тобой.

– Не разрешат.

– Тогда буду ждать у дверей.

– Зачем?

– Чтобы ты помнила, что можешь вый^йти.

Кристина смотрит на меня в полутьме.

– А если не захочу?

Я не нахожу ответа.

Утро придёт всё равно.

Глава 9. Решение

Утро приходит серым.

Солнце есть – я вижу свет за мутным стеклом, – но оно будто не решается войти в комнату. Лампа догорела ещё ночью. На столе остался круг копоты, карта материка и три чашки, которые никто не убрал.

Кристина сидит у окна в синем платье.

Она оделась до рассвета. Волосы заплела сама, слишком туго: у висков кожа побелела. На коленях лежат руки. Браслета нет, того самого золотого, из нашего мира. Только перевязанный палец и тонкий след от сорванного ногтя.

Марина притворяется спящей.

Я знаю по её ступне. Когда она спит, стопа расслаблена и заваливается наружу. Сейчас пальцы поджаты.

– Тебе надо поесть, – говорю Кристине.

– Не хочу.

– Потом станет плохо.

– Пусть.

Я беру с подноса хлеб, ломаю пополам и кладу рядом с ней.

– Хотя бы возьми.

– Я не ребёнок.

– Я знаю.

Кристина смотрит на хлеб, но не трогает.

В коридоре слышны шаги. Стража меняется после первого утреннего колокола. Один голос хриплый, другой всё время кашляет. Я уже различаю их. Через несколько дней, наверное, начну узнавать по шагам каждого, кто караулит нашу дверь.

От этой мысли хочется выйти из собственной кожи.

Марина садится.

– Я пойду с вами.

– Нет, – отвечает Кристина.

– Я не спрашивала.

– А я не хочу.

– Почему?

– Потому что это мой разговор.

– С человеком, который похитил нас троих.

– И предложил условия каждой.

Марина откидывает одеяло.

– Условия? Ты уже называешь это условиями?

– А как назвать?

– Шантажом.

– Хорошо. Я иду обсуждать свой шантаж.

– Крис.

– Не начинай.

Голос у неё срывается на последнем слове. Марина замолкает.

Я сажусь напротив Кристины.

– Я буду ждать у дверей.

– Настя...

– Не в зале. В коридоре. Ты даже меня не увидишь.

– Тогда зачем?

– Я уже сказала.

Чтобы она помнила, что может выйти.

Но сегодня эта фраза звучит иначе. Выйти из тронного зала можно. Выйти из Таврогарда – нет.

Кристина берёт хлеб. Не ест, просто держит.

– Хорошо, – говорит она.

Марина встаёт.

– Тогда и я.

– Нет.

– Почему ей можно?

– Потому что она не будет ломать дверь, если мне не понравится ответ.

– Я тоже не буду.

Мы смотрим на неё.

– Ладно, – говорит Марина. – Буду. Но сначала постучу.

Кристина закрывает глаза.

– Останься здесь. Пожалуйста.

Просьба действует лучше приказа.

Марина садится обратно на кровать.

– Хорошо.

Когда приходит Ирса, она не проверяет платье и волосы. Только спрашивает:

– Готова?

Кристина кивает.

– Я тоже иду, – говорю я.

Ирса переводит взгляд на меня.

– Король вызвал одну.

– Буду ждать снаружи.

– Там нет места для ожидания.

– Найду.

Ирса, кажется, собирается спорить. Потом смотрит на Кристину.

Та едва заметно кивает.

– Идёмте.

Повозка ждёт у ворот. На этот раз закрытая, с узкими окнами. Нас сопровождают четыре стражника. Гончие в клетках следят за нами белёсыми глазами.

Марина остаётся у фонтана. Я вижу её через щель в пологие, пока ворота не закрываются. Она стоит босиком на гравии, потому что забыла надеть обувь.

Дорога во дворец знакома.

Пекарня у поворота. Лавка с медными чашами. Мост над каналом, где вода темнее, чем в день побега. Внутренние ворота. Тренировочный двор.

Я вспоминаю, как мы считали рубежи. Теперь это кажется детской игрой, хотя прошло всего несколько дней.

В приёмной перед тронным залом нас встречает Сарвек.

Старый маг держит в руках стопку тонких дощечек, исписанных знаками. На пальцах синие пятна. Он кланяется Ир-

се, затем смотрит на нас.

– Король ждёт избранницу.

Кристина вздрагивает от слова.

– Не называйте меня так.

Сарвек не спорит.

– Король ждёт Кристину.

– Я останусь здесь, – говорю.

Он щурится.

– Зачем?

– Мне нравится коридор.

Ирса тяжело вздыхает.

– Настя.

– Я не войду без приглашения.

– И не уйдёшь с места?

– Нет.

Сарвек пожимает плечами.

– Пусть сидит.

У стены стоит низкая скамья для слуг с двумя ногами. Я сажусь. Кристина подходит к дверям, но прежде чем они открываются, оборачивается.

Я поднимаю ладонь.

Она уходит внутрь.

Двери закрываются.

Первые минуты я слышу только приглушённые голоса. Камень глотает слова. Иногда говорит Гормак – его низкий голос узнаётся даже через дерево. Кристина отвечает тише.

Потом долго молчит.

Ирса стоит у окна. Сарвек перебирает дощечки.

– Сколько длится аудиенция? – спрашиваю.

– Пока король не закончит, – отвечает маг.

– Или пока она не уйдёт.

Он смотрит на меня поверх дощечек.

– Уйти можно всегда.

– Из зала.

– Да.

– Очень щедро.

Сарвек откладывает записи.

– Ты считаешь меня чудовищем?

– Я почти вас не знаю.

– Но служу чудовищу?

– Это вы сказали.

– Короли редко бывают добрыми.

– Тогда зачем они нужны?

Он улыбается, и лицо собирается в мелкие складки.

– Чтобы люди знали, кого винить.

Ирса делает ему знак замолчать.

Из-за дверей доносится резкий голос Кристины.

Слов не разобрать. Потом тишина.

Я встаю.

– Сядь, – говорит Ирса.

– Она кричит.

– Значит, говорит.

– А если...

Двери открываются.

Кристина выходит сама.

Лицо бледное. Губы сжаты. Синее платье не порвано, волосы не растрёпаны. Я всё равно подхожу и беру её за плечи.

– Он тебя трогал?

– Нет.

– Что сказал?

– Потом.

За ней появляется Гормак.

Он останавливается в дверях – слишком большой для узкого коридора, рассчитанного на двуногих слуг. На нём нет цепи и золотых колец на рогах. Только тёмная рубашка, открытая у горла. Возможно, это его версия неофициальной встречи.

– Настя, – произносит он.

– Я не просила аудиенцию.

– Но пришла.

– За ней.

– Тогда забирай.

Он переводит взгляд на Кристину.

– Условие действует до заката.

– Какое? – спрашиваю.

Кристина сжимает мой рукав.

– Не здесь.

Гормак смотрит на её руку, потом снова на меня.

– Ты можешь получить такое же.

– Мне ничего от вас не нужно.

– Дверь домой нужна.

– Вы не дверь. Вы замок.

На этот раз он улыбается. Совсем немного.

– Замок тоже открывают ключом.

– Я найду другой.

– Ищи.

Он возвращается в зал. Двери закрываются.

Я веду Кристину к скамье. Она садится, но не отпускает мой рукав.

– Что он предложил?

– Если одна из нас согласится первой, он переведёт всех во дворец.

– Зачем?

– Чтобы мы были вместе. Чтобы у нас были комнаты, слуги, библиотека, двор. И доступ в нижние галереи.

– К залу разломов?

– Нет.

– А домой?

Кристина смотрит на свои руки.

– После рождения ребёнка. Той, которая согласится. Остальные смогут вернуться вместе с ней, даже если сами не выполнят условие.

У меня внутри что-то холодеет.

– Он врёт.

– Он дал слово короля.

– Здесь слово короля значит только то, что он хочет.

– Сарвек запишет договор на камне.

Ирса поворачивает голову. Значит, это действительно имеет значение.

– Что за камень? – спрашиваю.

– Клятвенный, – отвечает она. – Нарушивший слово теряет часть силы. Для Гормака это серьёзно.

– Он согласен отпустить двоих просто так?

– Не просто так, – говорит Кристина. – Первая должна выносить ребёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.